
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (2218)

1 ЯНВАРЯ 1970

С Новым

«Бессмертные идеи и дела Ленина, великий подвиг его жизни служат для советских людей, для трудящихся всего мира неисчерпаемым источником вдохновения и оптимизма».

Из Тезисов Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

ПОД НОВЫЙ ГОД

Встречая год семидесятый,
Идет вперед моя страна,
И сердце, славя эту дату,
Поет, как звонкая струна.

Полощет флаги ветер мирный,
Снежинки землю серебрят,
А ели, как по стойке «Смирно!»,
У стен шеренгами стоят.
Стоят как будто бы живые...
Куранты звонко полночь бьют.
У Мавзолея часовые
На пост торжественно
встают.
Горит над ними слово
«Ленин»,
И гимн
над Родиной плывет.
...Семидесятый, юбилейный
По Красной
площади
идет!

Николай ШУМАКОВ

ВАШИМ, ТОВАРИЩ, СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ!..

Михаил АЛЕКСЕЕВ

На днях я получил от одного хорошего моего друга письмо с Волги. В самом конце письма строки: «Поздравляю тебя с Новым, 1970 годом. Годом Ленина!» А мне подумалось: ведь так же мы могли бы назвать и год уходящий, 1969-й, равно как и все предшествующие годы с Октября семнадцатого, ибо прожили их по-ленински. Не то что годы, любой миг в жизни всей ли страны, одного ли советского человека был пронизан ленинскими идеями, ленинскою верой, ленинской правдой, как кровеносными сосудами.

Но прав и мой товарищ, выделивший из общего ряда семидесятый год нашего столетия. На его долю выпало редкое счастье и редкая честь стать годом великого ленинского юбилея. О нем мы помнили, начали думать и усиленно готовиться к встрече с ним задолго до нынешнего дня. За пятьдесят с лишним лет у Советского государства, у наших советских народов было много больших праздников, но этот будет особенным: день рождения Ленина, по сути, означает в конечном итоге и день рождения Октябрьской социалистической революции. Ничего, что произошла она почти на полвека позднее, Ленин явился в этот мир для того, чтобы стать ее отцом.

«Жизнь прожить — не поле перейти»,— говорится в народе. Речь тут идет о

жизни одного человека, и, как бы счастливо она ни складывалась, она представляется все-таки очень долгой и трудной дорогой, одолеть которую способен лишь сильный и мужественный. Применительно же к нашему социалистическому Отечеству пословица эта была бы справедливой даже относительно одного прожитого года, ибо что ни год, то испытание — нередко тягчайшее и жестокое — ее, советской Отчизны, испытание ее мужества, жизнестойкости, ленинской сути. И коль скоро из всех этих испытаний мы выходим с честью, скажем еще энергичнее, выходим победителями, то это означает: цементирующая твердь ленинских начал, лежащая в основе нашего существования, всякий раз оказывается не по зубам недругам социального обновления мира.

Сейчас, пожалуй, будет более чем уместно сослаться на один хотя бы исторический факт. И мы и многие-многие другие люди планеты еще долго будут задавать себе один и тот же вопрос: как же получилось, что народ, советский народ, встретивший самую ужасную войну в труднейших, невыгоднейших для себя условиях, как же получилось, что народ этот сокрушил врага, повергшего, было, к ногам своим чуть ли не всю Европу? И сколько бы мы ни размышляли по этому поводу, сколько бы ни судили, сколько бы ни рядили, мы неизбежно придем и приходим к одному единственно возможному выводу: устои нашего общественного устройства столь прочны, силы ленинских идей так велики и жизнетворящи, патриотизм народа так могуч, что их не могли сломить никакие беды. Стало быть, на всех крутых переломах истории Советского государства, в самые острые критические ее моменты, по существу, шли испытания на прочность ленинских идей, положенных в фундамент здания, которое мы строим, на прочность ленинизма.

И, может быть, наитягчайшим из такого рода испытаний была минувшая война, начатая не нами и не по нашей вине, но именно нами победоносно законченная без малого четверть века назад. И то, что 25-летие со дня нашей великой Победы по времени совпало с ленинским юбилеем, должно представляться нам исполненным глубочайшего смысла. Это Ленин, ленинизм торжествовали двадцать пять лет тому назад победу над самыми черными и злобными силами мира.

Теперь мы видим, как же счастлив должен быть год 1970-й: история приберегла ко дню его рождения великолепный, весьма памятный подарок, приберегла и преподнесла с великою верой, что новорожденный будет достойным этого драгоценного подарка. Для этого от него требуется немногое в общем-то: быть настоящим наследником года, от которого он только что принял историческую эстафету — а шестьдесят девятый потрудился на славу! — и всех остальных лет, корнями своими уходящих к семнадцатому году.

«О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!» — так закончил Энгельс предисловие к очередному изданию «Манифеста Коммунистической партии».

Чему же так радовался Энгельс? Какие события начала девяностых годов прошлого столетия могли исторгнуть из его сердца это восклицание? К тому времени, как известно, марксизм начал уже в **практической жизни** свое триумфальное шествие по планете. Энгельс видел выражение этого победного марша в том, что «европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в о д н у армию, под о д н и м знаменем, ради о д н о й ближайшей цели...»

В наши дни, когда марксизм-ленинизм стал не только теоретической программой мирового рабочего движения, но и воплощается в действиях, в делах миллионов, стал духовным знаменем социального прогресса человечества, хочется воскликнуть:

«О, если бы Маркс, Энгельс и Ленин были теперь рядом с нами, чтобы видеть это собственными глазами!»

Радостное удивление перед миром, рожденным гением Ленина, испытывает ныне любой непредубежденный человек во всех частях света.

Имея в виду нашу революцию, ее полувековую героическую историю, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая товарищ Арисменди говорил на XXIII съезде нашей партии:

«Эта эпопея, еще не воспетая во всем своем величии, — героическое творение всего международного рабочего класса; однако главным ее действующим лицом является ваш народ, народ великого Октября, и ваша партия, партия Ленина!»

Мысль эта была, пожалуй, главенствующей и в речах наших зарубежных товарищей на историческом международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году. И тот факт, что «работники всемирной великой армии труда» устами своих лидеров отдавали должное нам, их советским братьям по классу, по борьбе, по духу, не может не радовать, не зажигать наших сердец горделивым чувством исполненного высокого долга.

Любопытно, что первым откликом буржуазных радиокомментаторов на Постановление ЦК КПСС о подготовке к ленинскому юбилею была их мрачная констатация того факта, что СССР, мол, не собирается менять принятого при жизни Ленина курса.

Что сказать им на это? Видимо, недругам нашим трудно понять, что для советских людей нет ничего более возвышенного и благородного, чем следовать Ленину, самоотверженно бороться за дело, которому он посвятил свою жизнь. Видимо, не понять им того, что советские народы встали однажды вместе со своею партией на ленинский курс для того, чтобы никогда, ни при каких превратностях судьбы с него не сходить!

«Имя и дело Ленина будут жить вечно!» — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича.

«Вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем», — мысленно повторяем мы вслед за поэтом. И мы уверены, что с этим великим именем будет трудиться, бороться и побеждать год 1970-й, рожденный для дел столь же великих, сколь и славных.

В здании, где в новогоднюю ночь 1920 года выступал В. И. Ленин, сейчас Дом пионеров Первомайского района.

БЕЗ ДЕСЯТИ ДВЕНАДЦАТЬ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото А. Награльяна.

Надежда Константиновна Крупская только что приехала домой и уже с порога услыхала слова Владимира Ильича:

— Поедем встречать Новый год к рабочим?

В памяти Крупской еще не изгладился первый советский Новый год, который она встречала с Ильичем в среде питерцев на Выборгской стороне, и она ответила:

— Конечно же, поедем!

Шли последние часы нелегкого 1919 года. Владимир Ильич отправился вместе с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой к рабочим Басманного района, собиравшимся на празднества в Хлебной бирже, самом большом здании района.

О том, что на встречу Нового года приедет Владимир Ильич, не знали даже ответственные устроители вечера. Как потом выяснилось, знал об этом только один А. А. Сольц. Коммунист с 1898 года, он работал в аппарате ЦК партии, но состоял на партийном учете в этом районе. Он и рассказал Ленину о готовившемся праздничном вечере. Ленин сказал, что приедет обязательно, но попросил Сольца держать это в тайне.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

По приказу в тревожный час
поднялась на врагов она.
Потому и спасла всех нас,
что сильна.

Из Кремля ей был дан приказ,
а оружие ей ковал,
день и ночь не смыкая глаз,
сам Урал.

На победу благословив,
дали матери наши ей
самых верных и нежных своих
сыновей.

Хлеборобы прислали ей
миллионы пудов зерна,
а ткачихи наткали ей
полотна.

Лучший повар ее накормил,
самый лучший портной одел,
лучших вин для нее надавил
винодел.

Патриоты на счастье ей
добровольно отдали кровь,

В радостных хлопотах бежали предновогодние дни. Комсомольцы вместе со своим вожаком Шурой Кожуровой репетировали пьесу о пролетарской солидарности. Жены рабочих, активистки украшали зал.

Время было трудное. Два минувших после Октября года прошли в жестоких схватках с белыми бандами, интервентами и истощили страну, расстроили транспорт, промышленность... В Москве было голодно и холодно. На подступах к столице стояли занесенные снегом составы с хлебом, топливом. С превеликим трудом, почти чудом удалось организовать праздничный буфет. Прикинули, сколько народу придет на вечер, и для каждого приготовили небывалое по тем временам лакомство: кусочек черного хлеба, намазанный селедочной икрой, и три конфетки монпансье.

Близилась полночь. Праздник — в разгаре. На сцене шло представление, подготовленное комсомольцами. И вот в этот-то момент вошел Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Стрелка часов показывала без десяти двенадцать.

...Мы сидим в квартире нового дома на Ленинском проспекте и слушаем рассказ Екатерины Исаевны Белой-Ивановой. Коммунистка с пятидесятипятилетним партийным стажем, она, тогда инструктор Басманного райкома партии, была участницей этого вечера, видела и слышала В. И. Ленина.

Прикрыв дверь, чтобы не мешать внучке готовить уроки, Екатерина Исаевна говорит:

— Настроение у всех было прекрасное, праздничное. Внимание приковано к сцене. Вдруг подбегает к нам председатель райсовета товарищ Цехан и тихо говорит: «Ленин!» Взглянули на дверь. А Владимир Ильич стоит и из-за портьеры в зал смотрит. Мы к нему, а он:

— Тише! Тише! Не привлекайте внимания.— И проходит осторожно в последний ряд.

Зрители с увлечением следят за событиями на сцене. Судя по всему, дело идет к финалу. Как вдруг зал приходит в движение. Увидели. Узнали.

Ленин оставил пальто, вышел на сцену. Приветливо улыбается, просит утихомириться. Нам это не сразу удается. Потом Владимир Ильич произносит речь — короткую, страстную. Жаль, что не записали ее. Все это было так неожиданно, что никому и в голову не пришло взяться за карандаш. Помню, что Ленин говорил о победах Красной Армии, выражал уверенность, что большая часть трудностей уже позади. Но борьба не окончена. Правда, война теперь будет другая — бескровная, война с экономической разрухой.

Зал приветствует вождя. Владимир Ильич накинул на плечи пальто, собираясь уходить. Но тут на сцене появился Демьян Бедный. Ленин задержался. Десять лет спустя поэт об этом писал:

«Был такой случай, под Новый, 1920 год я выступал на праздничном собрании в Бауманском районе. Речь моя была о Ленине... Характеристика Ленина была построена мною празднично, весело, юмористически, с легким, любовным, восторженным, правда,— но все же шаржированием... Аудитория покатывалась со смеху. Возможно, она приметила то, чего я не приметил, а именно, что Ильич еще не уехал, стоит, набросив на плечи пальто, у входа, слушает, как я его расписываю, и тоже покатывается со смеху. Велико было мое смущение, когда я, выходя с бурно рукоплескавшего собрания, напоролся на смеющегося Ильича. Но еще больше было мое удивление, когда Ильич, расхвалив невероятно мою речь, предложил немедленно при нем повторить ее в Рогожско-Симоновском районе, куда мы вместе поехали...»

В ту же ночь Владимир Ильич побывал на новогодних вечерах у московских рабочих Пресненского, Рогожско-Симоновского и Лефортовского районов.

наша вера шагала с ней
и любовь.

Потому у нее столько сил,
потому она шла вперед,
что на подвиг ее проводил
сам народ,

что советские люди шли
с негасимым огнем в груди,
знамя ленинское несли
впереди.

И сломили врага. На виду
у огромной у всей земли.
Над рейхстагом свою звезду
вознесли.

А паучьи штандарты вояк
под весенний победный гам
к Мавзолею швырнули, как
жалкий хлам.

С той горячей поры, след в след,
напрягая земную ось,
двадцать пять беспощадных лет
пронеслось.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

Владимир НИКОЛАЕВ

С Новым годом! С особым радостным чувством произносим мы сегодня эти привычные слова: в этом году все прогрессивное человечество торжественно отметит великий праздник — 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Отдавая дань самой сердечной любви и безграничного уважения создателю первого в мире социалистического государства, люди всех континентов еще и еще раз с благодарностью называют вождя Октябрьской революции творцом новых, невиданных ранее идей мира и дружбы между народами. И эта благодарность человечества поистине неизмерима, ибо нет более острой, более жизненно важной проблемы, чем проблема сохранения мира на нашей планете.

В трудах Владимира Ильича Ленина впервые в истории были сформулированы научные основы и коренные принципы внешней политики социалистического государства. Эти принципы воплотились в конкретные дела с первых же дней существования Советского государства. 26 октября (8 ноября) 1917 года В. И. Ленин на II Всероссийском съезде Советов выступил с докладом, по которому был принят исторический Декрет о мире. С тех пор борьба за мир и дружбу между народами стала генеральным направлением советской внешней политики.

О судьбах человечества, о будущем созданной людьми цивилизации думал Владимир Ильич в трудном для молодой Советской республики 1922 году.

«Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которых ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны».

Коммунистическая партия и Советское правительство, руководствуясь ленинскими указаниями в своей внешней политике, настойчиво и твердо проводят курс на ослабление международной напряженности, на улучшение отношений между государствами в интересах укрепления мира и безопасности народов. Одним из последних примеров этой политики являются конкретные шаги, предпринимаемые в целях обеспечения прочного мира на европейском континенте, где дважды вспыхивал пожар мировых войн. И характерно, что в проведении ленинской внешней политики Советский Союз уже давно не одинок, мировая социалистическая система стала огромной силой в справедливой борьбе за мир. Это еще и еще раз было продемонстрировано на московской Встрече партийных и государственных руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии, проходившей в декабре 1969 года. Участники встречи особое внимание уделили вопросам обеспечения безопасности в Европе.

Такая политика, проводимая социалистическими странами в интересах народов, не может не оказывать своего благотворного влияния на судьбы мира. Это вынуждены признавать даже в империалистическом лагере. Так, английская газета «Дейли телеграф» констатирует: «Несомненно, что Варшавский пакт с тех пор, как он выдвинул предложение насчет европейского совещания по вопросам безопасности, держит в руках инициативу».

Другой характерный пример такой инициативы — Заявление о положении на Ближнем Востоке, сделанное в ноябре 1969 года Центральными Комитетами коммунистических и рабочих партий и правительствами Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Советского Союза и Чехословакии. Социалистические страны решительно выступают за прекращение американской агрессии во Вьетнаме, которая так же, как и израильская агрессия на Ближнем Востоке, угрожает миру и безопасности всех народов. Видное место в работе недавно закончившейся XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН заняло предложение Советского Союза и ряда социалистических стран относительно заключения Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического и бактериологического (биологического) оружия и его уничтожении. На той же сессии Генеральной Ассамблеи ООН огромный резонанс получило внесенное министром иностранных дел СССР А. А. Громыко от имени Советского правительства предложение «Об укреплении международной безопасности».

Так Советский Союз и другие социалистические страны и словом и делом борются за мир на земле. Эту борьбу назвали самой важной своей задачей посланцы коммунистических и рабочих партий на своем всемирном форуме в Москве в 1969 году. И не случайно они одновременно с таким документом, как «Воззвание в защиту мира», приняли Обращение «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Год 1970-й для советского народа и всего прогрессивного человечества будет знаменательным также и потому, что в мае исполнится 25 лет со Дня Победы над фашистской Германией. Советский Союз внес в эту победу решающий вклад, и об этом полезно напомнить всем и всяким любителям военных авантюр. Идя навстречу этой славной дате, советские люди не забывают ленинского наказа неустанно крепить оборону страны. Мы знаем, что могущество Советского Союза — залог безопасности и спокойствия всех народов.

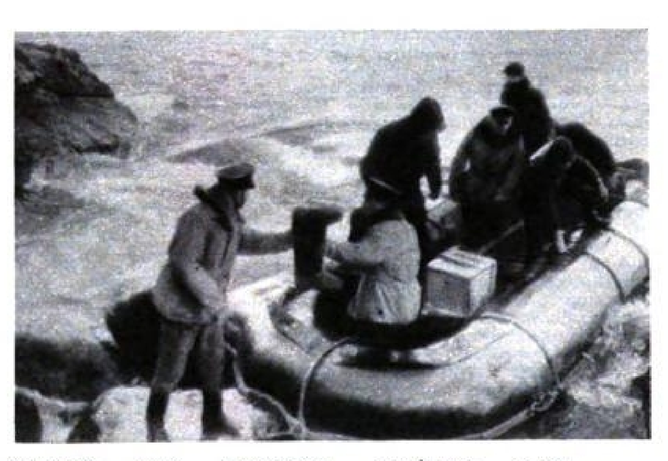
В Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» говорится: «Продолжая дело Ленина, советский народ крепит интернациональную солидарность с народами социалистических стран, с международным рабочим классом, с борцами за демократию и национальное освобождение, за прочный мир, демократию и социализм, за торжество идей марксизма-ленинизма».

Пусть же год 1970-й станет годом дальнейшего торжества ленинских идей мира и дружбы между народами!

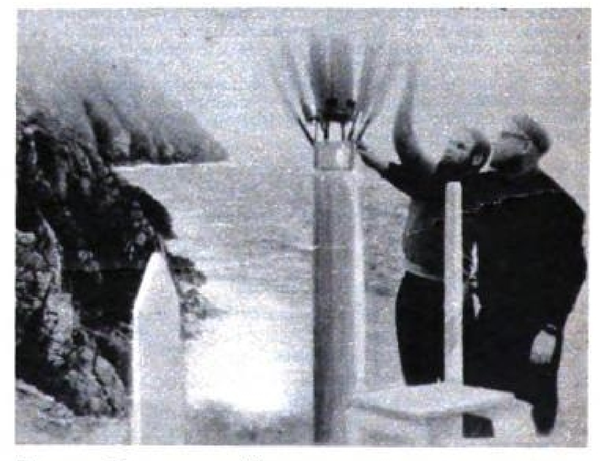
Василий ЗАХАРЧЕНКО
Фото автора.

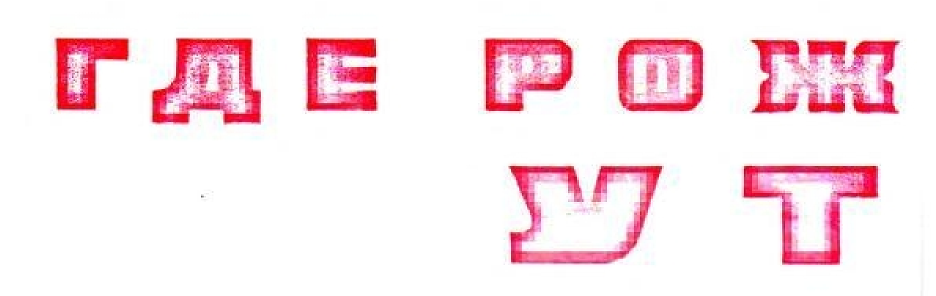
Здесь рождается утро. Слева американский остров Крузенштерна. Справа советский остров Ратманова.

Высадка — дело нелегкое, особенно если штормит.

Виктор Федорович Пузанов «принимает хозяйство» у Николая Владимировича Абрамовича.

В детстве мне хотелось ранним утром выйти навстречу солнцу и так идти и идти до самого горизонта, чтобы увидеть, как рождается заря, откуда приходит солнце, откуда приходит Новый год.

Потом, когда я начал изучать географию, я понял, что идти навстречу солнцу со школьным ранцем за спиною — бессмыслица. Путь слишком далек. Ведь солнце рождается далеко-далеко, там, где люди условно проложили линию отсчета времени. Именно оттуда все часы человечества — на башнях, в жилетных карманах, на руках — начинают отсчет нового дня.

...Вот уже который час наше судно таранит голубую толщу Берингова пролива. Вода здесь купоросного цвета. Ледяная, прозрачная. Над нею неумолчный гомон птиц. Черные бакланы, вытянув длинные шеи и раскинув крылья, изредка плюхаются в волну и скрываются под водою в погоне за рыбой. Стаи гагар, голосистых и крикливых, поднимаются с каменистых берегов, оставляя птичьи базары для шумного полета над водой.

Арктика. Солнечный осенний день. Скоро с Севера, из Ледовитого океана, приплывут первые льды, чтобы восемь месяцев болтаться в этой узкой горловине между Россией и Аляской, дробясь о гранитные берега островов Диомида.

Слева от нас красно-бурые с сиреневыми подпалинами берега Чукотки. На пустынных сопках, словно смятые простыни, снежные наносы — это с прошлого года. Рваные клочья облаков с беловато-серыми космами, цепляющимися за сопки, медленно проплывают над сушей. У воды — белая оторочка прибоя. И светлый, выделяющийся на пастельно-блеклом фоне земли обелиск. Он стоит на холме между сопок, как большая белая игла. Это памятник землепроходцу Дежневу, который вышел когда-то на эти берега.

Мы держим путь на остров Ратманова. Это последний кусочек нашей земли. За ним — второй остров, названный именем другого русского землепроходца, Крузенштерна. Но уже не наш — там Америка. Между двумя этими островами и проходит линия — международная граница перемены времени.

В проливе неспокойно. Волны бросают наш корабль из стороны в сторону. Второй день штормит.

— Вряд ли мы сможем высадиться с северной стороны острова,— говорит капитан Семен Леонтьевич Ровнер.

Вот уже четвертый год он бороздит воды между Курилами и Беринговым проливом. Ему знакомы и капризы местной погоды и вспыльчивый характер Тихого океана.

— Будем держать курс к южному берегу,— продолжает капитан.— Там поспокойнее.

Мы идем между островами по границе времени. Идем с севера на юг. Справа каменной глыбой, грозной и торжественной,— остров Ратманова. Метров на четыреста вздымается ровное плато, почти отвесным камнепадом спускаясь к беспокойной воде. Берега фантастически красивы. Осеннее солнце, хрустальная чистота воды и такая же голубизна неба врезают остров в прозрачную раму, отчего он кажется еще более выпуклым и торжественным. Какая красотища!..

Возле кружевной опушки прибоя, на багрово-коричневых камнях — нагромождение каких-то округлых предметов. Беру бинокль и вижу одну из самых удивительных картин, которые мне приходилось видеть в жизни.

Округлые глыбы — это гигантские туши моржей. Моржей много — сотни. Они не реагируют на шум двигателя, на наши голоса, они нежатся в осенних лучах арктического солнца или играют в воде, шумно отфыркиваясь и ныряя в каких-нибудь сорока метрах от нас.

Мне рассказывали, что в ноябре 1965 года здесь скопилось столько моржей, что они буквально силой захватили маленькую портовую площадку на берегу, площадку, на которую зимовщики принимали грузы, привезенные с моря. Бедняги моряки, прибывшие на катерах, не могли пристать к берегу.

Слева от нас американский берег. Остров виден четко. Такие же отвесные берега, каменные осыпи и белый прибой у их подножия. И только, как шапка, надетая набекрень, застыли над островом неподвижные облака.

— А ведь они напоминают шляпку атомного гриба,— говорит капитан, протягивая мне бинокль.

В бинокле — американское селение Елики. Оно небольшое, живут там человек пятьдесят эскимосов и несколько американцев.

— Там их человек восемь,— говорит капитан.— Один, видимо, пастор. Вон, глядите, церквушка справа. Кто-то держит бар для эскимосов. Кто-то лавчонку-факторию.

Я скольжу окулярами бинокля по берегу. Большое здание склада, церквушка, домики. На козлах шесть вельботов днищами вверх.

Вдалеке, за американским островом, на горизонте подымаются сопки Аляски. Говорят, в ясные ночи отсюда виден даже городок Уэльс — его ярко освещенные улицы и дома и даже движущиеся точки автомобилей. На одной из сопок четко вырисовывается огромный белый купол. Это астрономическая станция по слежению за спутниками и космическими кораблями.

Остров Ратманова отделяет от острова Крузенштерна всего лишь четырехкилометровый пролив.

Что такое четыре километра? Меньше часа ходьбы. А на лодке, даже на веслах, вероятно, тоже около часа. Но ведь именно здесь, между этими двумя небольшими островами, затерянными в просторах Тихого океана, и пролегает та самая незримая граница, которая отделяет Сегодня от Вчера и Завтра от Сегодня. Рожденному здесь дню предстоит обежать весь земной шар. Когда на американском островке Сегодня, на советском острове имени Ратманова уже наступил Завтрашний день.

Однако нам пора высаживаться на остров. С южной стороны накат меньше. Пояс белой пены значительно у́же. И берег не так крут. Мы пересаживаемся на моторный катер. С корабля спускают резиновый надувной понтон. Словно всплывший на поверхность океана кит, понтон болтает-

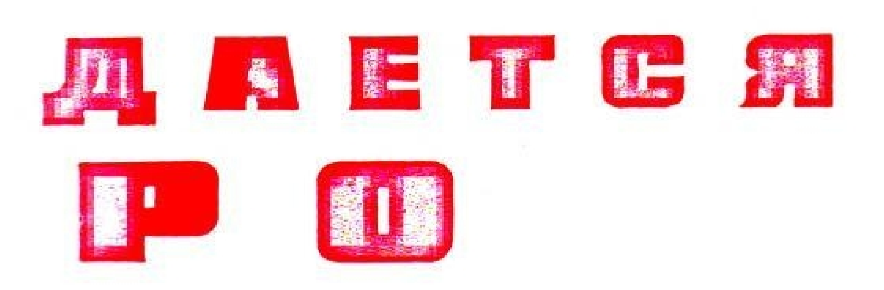

— Ну что ж, «Американец», давай знакомиться,— говорит Пузанов.

Самый молодой житель острова — Инночка Савина. Ей третий год.

ся за нашим катером на нейлоновом канате. Все мы одеты в оранжевые надувные жилеты.

На берег мы высаживаемся довольно оригинальным способом. Прыгаем в понтон, пытаясь соразмерить его движения с болтанкой катера. Брызги, соленые и ледяные, обдают с ног до головы. Грохочет волна, танцует перед глазами каменистый берег, и моржи совсем не пугливо, а, скорее, с любопытством рассматривают нас. Теперь катер должен подтолкнуть понтон в сторону берега, чтобы набегающая волна выбросила его надутую воздухом тушу на прибрежные камни.

И вот мы на берегу. Рядом со мной бородатый парень с открытым лицом и черноволосая женщина в брюках и сапогах. Это новые зимовщики — им предстоит два года прожить здесь, на острове Ратманова, сменив очередную партию.

Виктор Федорович Пузанов и его жена Светлана Яковлевна. Они не новички. У Пузанова опыт шестилетней зимовки. И жена его не первый год в Арктике. Всё, кажется, учтено и продумано. Не забыт и ящик с книгами — его сгружают сейчас с понтона.

— А обувь сменить забыл.— На ногах у Пузанова модные полуботинки, в которых он сейчас вместе с нами будет карабкаться вверх на четырехсотметровую кручу острова. И шесть километров топать по торфяной жиже.

Недавно здесь жили супруги Мягковы. Сергей Сергеевич и Нина Ивановна. Они москвичи. В Москве — трое их детей: Тамара, Василий и Сережа. Тамара уже работает. Василий кончает школу. А Сережа только начинает учиться. Они ходили по московским улицам, а их родители на краю нашей земли, на крохотном островке неусыпно и самоотверженно несли свою круглосуточную вахту.

Радиоголоса полярных станций вот уже больше четверти века ловят моряки и арктические летчики. Они хорошо знают позывные станции острова Ратманова, ежедневно дающей сводку погоды.

Теперь Мягковы уехали на остров Колючин, что находится в районе Ванкарема. Семья Пузановых будет сменять Николая Владимировича и Валентину Федоровну Абрамович: метеорологи, они закончили свою службу, и впереди восьмимесячный отпуск.

Уже больше часа, как мы на острове. За спиною застывший каменный водопад. На покрытых мхом каменных лбах — зеленые островки щавеля. Осенняя морошка буквально устилает красно-бурую землю. Ягод много. Почти отвесный берег переходит в плато, изредка разрезаемое каменными грядами. Под ногами торфяные кочки, редкие цветы, семейки грибов на сухих островках. Идти далеко — домики здешних обитателей, образующие небольшой городок, находятся на противоположной стороне острова.

Первое живое существо, встречающее нас на окраине поселка,— большая добродушная собака. Она жмется к ногам, радостно открывает пасть, пытается лизнуть в лицо.

— «Американец», — объясняет нам Николай Владимирович.— Прошлую зиму пес перебежал к нам по льду из Елинов. Так и прижился. Сначала мы с ним только по-английски разговаривали, а теперь и по-русски понимает,— пошутил Николай Владимирович.

«Американец» живет в дружбе с Макаром — так зовут кота, которого подарили метеорологам моряки с черного «угольщика», разгружавшегося у пирса.

— Сейчас нас здесь четверо,— рассказывает Николай Владимирович,— я, моя жена Валентина, электромеханик Юрий Николаевич Королев и его жена Лариса Васильевна, работающая у нас поваром. Раньше я плавал на судах Мурманского пароходства, затем полтора года вместе с Валентиной зимовали на острове Айон, что рядом с Певеком. А здесь хозяйство у нас немалое. Вот будем передавать его Пузанову, а сами на отдых...

Метеорологи занимают несколько домиков. У них отличная радиорубка, библиотека на несколько тысяч томов. Хорошее хозяйственное помещение.

— Нам приходится быть мастерами на все руки,— говорит Николай Владимирович.— Все надо делать самим. И печку класть, песок и глину завозить, электрооборудование ремонтировать. Правда, помогают нам наши друзья — пограничники.

Офицер Евгений Алексеевич Савин вот уже третий год со своим подразделением на острове Ратманова. Сам он из города Горького. Сейчас вся его семья на острове — жена, темноволосая красавица Аня, недавно приехала из Горького. Приехала не одна — с дочкой Инночкой, которой всего лишь третий год. Она уже умеет собирать грибы и морошку, слушает радио, рассказывает сказки и поправляет меня:

— Нет, волк не так съел бабушку, как ты рассказываешь, и бабушка ему говорила совсем не то...

— Отсюда начинается время страны,— задумчиво говорит Савин.— Десять часов разницы с Москвой... На десять часов мы живем раньше. Эту землю нам выпала честь охранять с моря и воздуха. У нас очень хорошие люди. Дружный коллектив, верный своему воинскому долгу. Люди прекрасно знают значение места, где они находятся. Взрослеют здесь и растут. Мы, пограничники, живем в дружбе с метеорологами, живем, как одна семья.

Я разговариваю с молодыми ребятами-пограничниками. Дулат Тамимов, Юрий Грибков, братья Виктор и Петр Гавриловы из Благовещенска, Горожанкин.

— Вы его поздравьте,— смеются товарищи.— Недавно свадьбу сыграл по радио.— Не успел расписаться, когда был на материке. А тут сообщают, что появился у него сын и нужно отца зарегистрировать. Так по радио в виде редчайшего исключения его и расписали...

Два дня провел я вместе с друзьями на этом острове, где рождается новый день, где Новый год встречают раньше всех на нашей планете. Здесь, на этом кусочке советской земли, идет полная радостей и открытий жизнь.

От труда скромных островитян зависит жизнь людей на тысячи километров окрест: плавающих, путешествующих и работающих на просторах суровой Арктики.

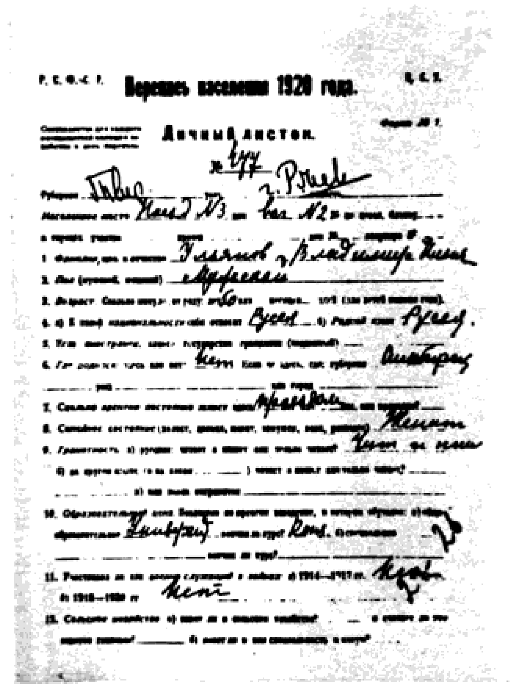
Милая, чудесная земля Родины! Какой бы ты ни была: суровой или щедрой, поражающей воображение роскошью лесов или холодным камнем оледенелой Арктики,— ты всегда дорога нашему сердцу, потому что ты кусочек того большого и прекрасного, что мы называем светлым именем — Родина!

А за четырехкилометровой гладью воды — второй островок. Настороженно всматривается Америка в то, что происходит на советской земле. Нередко слышен с американской стороны надсадный рев военных самолетов-разведчиков. Что ж, пусть смотрят на землю, где люди живут на сутки раньше, чем они.

В 41-м томе Собрания сочинений В. И. Ленина, в датах жизни и деятельности Владимира Ильича о 28—30 августа 1920 года сказано лаконично: отдыхает, охотится; по дороге, в поезде, проходит всероссийскую перепись населения. Позже установили: перепись В. И. Ленин проходил в вагоне № 2 поезда № 3 на станции Ржев.

В преддверии Всесоюзной переписи населения наш специальный корреспондент ведет репортаж из вагона № 2 поезда, следовавшего к Москве...

Вагон №2

Р.С.Ф.С.Р. Перепись населения 1920 года.

Личный листок.

№ 477

Перепиcной лист № 477.

К. БАРЫКИН

...Редакционное задание: встретить в Ржеве второй вагон, познакомиться с его пассажирами и коротко рассказать о них. А пока мы с начальником станции Ржев-II Александром Ивановичем Гордыбаевым идем по припорошенному снегом перрону.

— Второй вагон московского поезда в ту пору останавливался примерно вот в этом месте.— И Гордыбаев очерчивает как раз ту часть платформы, что напротив мемориальной доски, укрепленной на фронтоне вокзального здания и высвеченной прожекторами.

«Здесь 28 августа 1920 г. проездом в поезде прошел первую перепись населения страны Владимир Ильич Ленин». Высеченные на гранитной доске слова эти переносят нас в год первой советской переписи населения, проводившейся по инициативе Владимира Ильича Ленина. Успех переписи, как отмечалось, имеет огромное значение для строительства Советской республики. «Хороший хозяин,— писал тогда же ВЦИК в своем обращении к населению,— это, прежде всего, тот, кто з н а е т все свое имущество, знает свои поля и леса, свои фабрики и заводы, знает, сколько и где он имеет... Переписи дадут именно такое знание...»

...Итак, ждем поезда. Он должен скоро прийти в Ржев, но стоять здесь будет всего 10 минут. Что за это время узнаешь? Поэтому еще в редакции приготовили небольшие анкетки для своеобразной микропереписи в сегодняшнем втором вагоне. Профессия или должность? Любимое занятие? Образование? Куда едет? Перемены в жизни после предыдущей переписи?

Инженер, руководитель лаборатории Мария Павловна Назарова возвращается домой. На вопрос о любимом занятии отвечает: «Быть всегда в движении». А главный механик одного из заводов В. В. Кудряшов написал в анкете: «Читать, читать и читать».

Рижанин Ростислав Карлович Лелис командирован в Горький, на автозавод, разместить заказ на изготовление оснастки оборудования. «Без этого велено не возвращаться»,— улыбается мой собеседник.

Таисия Евдокимовна Якушина отдыхала в санатории «Балдоне». Кладовщик Евгения Петровна Клецина тоже была в «Балдоне». Очень любит рукоделие. Произошли ли изменения со времени переписи 1959 года? «Конечно. Прибавилась зарплата, получила новую трехкомнатную квартиру, дочь замуж выдала...»

Начальник цеха Язен Альфонович Матулис на этот вопрос отвечает примерно так же: «Прибавилось семейство, значительно вырос заработок».

Прорабу тульского участка «Центроэнергоцемент» Е. С. Михальцову и в поезде некогда. Наскоро заполнил анкету, лишь одному вопросу уделил больше внимания: «Люблю природу, стремлюсь отдыхать в лесу или у реки».

...От Ржева до Москвы даже небыстрый пассажирский поезд идет считанные часы. Вместе со мной коротали время в дороге инженер-технолог Рязанского станкостроительного завода — ехал навестить родных — и демобилизованный сержант: «Планов точных еще нет. Думаю идти на завод». Молодой геолог спешил в Москву на свидание с невестой. Польский писатель Ярослав Ивашкевич возвращался из Риги с премьеры своей, переве-

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ С ГОРЬКИМ

Сергей ЛИСИЦКИЙ

Говоря о значении Пушкина для русской культуры, В. Г. Белинский писал: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего». Как нельзя лучше эти слова применимы к Горькому, к его времени, которое знаменует целую эпоху в истории нашей национальной культуры.

Последняя книга К. А. Федина «Горький среди нас», переиздание которой осуществило издательство «Советский писатель», имеет свою предысторию, свои особенности. Начало работы над ней относится к довоенным годам; в канун войны первая часть ее была опубликована в июньском номере «Нового мира». И вот перед нами хотя и незавершенная, но более полная работа писателя. Книга, по признанию самого автора, в основе своей воспоминательная, автобиографичная. Но вместе с тем она дает довольно четкое представление о сложнейших общественных явлениях, в ней писатель показывает обстановку тех лет, рисует портреты собратьев по перу, прослеживает воздействие Горького «на советскую литературу в самый ранний период ее возникновения, в процессе начального роста».

С первых же страниц книги внимание читателя приковывает к себе откровенное и доверительное, исполненное глубокого смысла, неповторимое фединское письмо. Перед нами встает в исполинский рост живой Горький, гражданин и писатель, соединяющий в себе удивительные человеческие качества мечтателя и реалиста. Мы видим Горького, кропотливо работающего над рукописью, зорко следящего за новыми именами в литературе, озабоченного устройством чьей-либо книги, чьей-либо судьбы. Удачно избранный угол зрения: показать Горького, по выражению автора, «именно п о с р е д и нас, привлекая к себе, объединяя нас, как центр» — дает писателю благодатную возможность рассматривать действующих лиц, дела и события не только через свое «я», но и глазами своих товарищей по литературному цеху, оценивать происходящее посредством мыслей и суждений своих современников.

В первом разделе книги («1920—1921 годы») автор сумел через личность Горького показать целую концепцию творческого и гражданского облика художника нового типа. Именно здесь читатель находит утверждение, что великий пролетарский писатель не индивидуальное явление, стоящее особняком в нашей литературе, как об этом неоднократно писалось, а высшее проявление талантливости народных масс, воплощение творческих возможностей нового, социалистического мира. Горький был основоположником метода социалистического реализма, но он был одновременно и учителем советских литераторов. «В Горьком видят учителя первого советского поколения писателей. И это верно,— пишет К. Федин,— он был его учителем. Но учительство Горького не сводилось к надзору за языковыми неправильностями, допускаемыми писателем, за стилистикой и прочей литературной грамотой. Влюбленный в русский язык, обожающий искусство письма, Горький не мог пройти мимо искажений речи, насилий над языком, мимо равнодушия к форме произведения. Но о Горьком надо сказать, что прежде всего он учил вдохновению. Он учил вере в дело литературы, он убеждал в его величии». Вера в великое дело литературы, в ее высокую и благородную миссию приводила Горького в трепет при встрече с новым талантом. Он действительно был одержим желанием «ковром лечь под ноги ему, дабы легко и без лишней траты сил шел он к своей высоте».

Ближайший ученик и соратник великого пролетарского писателя, К. Федин показывает своего учителя не только как мемуарист, а прежде всего как художник. Перед взором читате-

денной на латышский язык пьесы...

Бригадир поезда Роман Вячеславович Шкультецкий, проводницы Нина Иванова и Клава Савельева активно помогают в нашей «микропереписи». Они знают, что послужило для нее поводом.

— Работа у нас очень интересная,— говорит Клава.— Всегда в пути, и всегда новые люди, и всегда что-нибудь новое узнаешь. Вот видите, оказывается, в двадцатом году в Ржеве был Владимир Ильич Ленин...

Среди пассажиров второго вагона — директор Ржевского моторного завода Борис Петрович Богачев. Приятная встреча: мне доводилось бывать на этом интересном предприятии, где очень рационально спланирован инженерный управленческий труд...

— Продолжаете это дело? — спрашиваю Богачева.

— А как же...

Я имел возможность убедиться в этом, когда был в заводоуправлении. Кому-то потребовалась небольшая, но специфическая справка. А получить ее можно только у инженера, который в этот момент находился где-то на территории завода. Как быть? «Не беда, сейчас разыщем». Оператор нажал клавишу радиопоиска. В кармане у инженера зазуммерил крохотный пенал-радиоприемник. И инженер тут же поспешил к телефону...

Умело, толково используют на заводе малую оргтехнику, обширный ее набор, все то, что помогает создать четкую службу контроля исполнения, что бережет время экономиста, инженера, делопроизводителя, технического секретаря, руководителя предприятия, что делает труд их более четким, производительным.

...Но вернемся в год 1920-й. Как В. И. Ленин оказался в Ржеве? «...Владимир Ильич в эти дни (конец августа 1920 года) ездил вместе с братом Дмитрием Ильичем на охоту в Бельские леса бывш. Смоленской губернии и в момент переписи находился на обратном пути в г. Москву»,— свидетельствует Н. К. Крупская.

Поначалу предполагалось, что пассажиры этого поезда перепись пройдут на станции Зубцов — это близ Ржева. Потом выяснилось, что поезд здесь не остановится. В Ржеве к вагону № 2 подошли счетчицы. Через несколько минут одна из них, еще не веря своим глазам, читала: Ульянов Владимир Ильич. 50 лет. Находится в Ржеве проездом. Грамотен: читает и пишет. (Вопрос огоньковской анкеты о грамотности пришлось формулировать особо: грамотны ли ваши родители, ваши деды и бабушки? Образование тех, кто заполнял анкету: у 29 — высшее и среднее.)

Дмитрий Ильич Ульянов так вспоминает о поездке: «...в дороге туда мы набивали патроны для ружей. По дороге обратно был день... переписи населения, и счетчики пришли к нам в вагон».

...Не просто было выяснить все подробности тех минут, когда стоял в Ржеве вагон № 2. Ветеран ржевских железнодорожников, один из создателей музея истории ржевского локомотивного депо, Иван Артемьевич Макшинский, просмотрел целый ворох архивных документов.

— Все ищу, кто вел поезд. В ржевских архивах ничего не нашел. Поехал в Калинин, там копался в бумагах. Выписал адреса всех, кто в ту пору работал в депо, на станции. Вечерами ходил к ним домой, расспрашивал. Много писем написал. Не все же сейчас живут в Ржеве...

И вот совсем недавно в музее появились три фотографии и подпись к ним: «Локомотивная бригада, которая вела поезд № 3. Машинист А. Иванов, помощник машиниста М. Якубик, кочегар С. Лебедев...»

Поиск ведется и в другом направлении: когда, в какой именно день Ленин проходил перепись? Казалось бы, это не вызывает сомнения. На памятной мемориальной доске дата названа: 28 августа. Но Н. К. Крупская и Д. И. Ульянов в своих воспоминаниях замечают, что Владимир Ильич проходил перепись, уже возвращаясь в Москву. А раз так, то, значит, 30 августа? Сейчас ржевские товарищи уточняют дату, пытаясь восстановить все детали события, о котором сообщает мемориальная доска на ржевском вокзале.

— С этой доской связана хорошая традиция жителей нашего города,— рассказывал мне первый секретарь горкома партии Анатолий Васильевич Скрипников.— Ежедневно у доски появляются свежие цветы. Иногда — букет, иногда — один-два цветка. Их приносят рабочие ржевских предприятий, учащиеся школ. Но, пожалуй, самое большое внимание уделяют памятному месту работники вокзала, гости Ржева. Приезжала к нам делегация из Венгрии — появился у доски букет. Побывали финны — снова букет...

...Московский поезд ночью отходит от ярко освещенной платформы вокзала. Но и в свете его фонарей не растворяется луч прожектора, выхвативший на стене мемориальную доску, которая напоминает о том, что почти пятьдесят лет назад тут, в Ржеве, проходил первую всероссийскую перепись населения Владимир Ильич Ленин.

ВЕТЕРИНАРНОЙ АКАДЕМИИ — ПОЛВЕКА

В конце декабря в Московской ветеринарной академии был большой праздник. Здесь собралась юбилейная научная конференция, посвященная 50-летию учебного заведения. На торжественном заседании конференции ветеринарной академии был вручен орден Трудового Красного Знамени. По поручению Президиума Верховного Совета СССР высокую награду вручил министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич.

За полвека своего существования академия стала ведущим вузом по подготовке ветеринарных врачей, ученых зоотехников и других специалистов службы синего креста, как называют ветеринарную службу. На семи факультетах академии за 50 лет подготовлено более 26 тысяч специалистов высшей квалификации, 1 300 кандидатов и докторов наук. Тут учились сотни специалистов более чем из 30 зарубежных государств.

На снимке: На юбилейной научной конференции. Выступает Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий академик К. И. Скрябин.

Фото А. Маршани.

ля встает не просто Горький-человек, обаятельный собеседник, а историческая личность во всей диалектической сложности своего духовного величия. И в этом смысле книга К. Федина является блистательным продолжением художественно-публицистических воспоминаний, созданных самим Горьким о В. И. Ленине, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове и ставших классическими в литературе этого жанра.

Неоценимое достоинство книги — в том, что ее автор, несмотря на сложность времени и описываемых событий, а также трудности, с которыми преодолевал свои ошибочные взгляды сам Горький, сумел показать главную его черту характера — веру в обновляющую силу революции, в будущее своей страны, народа.

Особые страницы книги занимает разговор о литературной группе «Серапионовы братья», в состав которой входил и молодой Федин, об отношении к «Серапионам» Горького. Понимая, что в группу «Серапионов» входят талантливые молодые писатели, такие, как М. Зощенко, В. Иванов, Н. Тихонов, К. Федин, Алексей Максимович пристально и ревниво следит за их деятельностью. Читатель книги «Горький среди нас» может легко понять самое существенное, самое главное, что беспокоило Горького в «Серапионах». Его тревожило влияние реакционных литераторов-формалистов вроде Ремизова, Волынского, Белого и других, абстрактное формотворчество Лунца, который пытался уводить литераторов в сторону от столбовой дороги молодого социалистического искусства. «Слушайте, но не слушайтесь» — вот совет Горького «Серапионам», который стал их девизом, их практическим руководством. Наряду с другими литературными группировками «Серапионовы братья» боролись за право сказать свое слово в пролетарском искусстве, и некоторые из них его сказали. Это — новое слово о войне и революции Всеволода Иванова в неумирающих «Партизанах», Николая Тихонова — в чеканных строках баллад о войне, самого Константина Федина — в первом крупном его произведении «Города и годы».

Рассматривая и исследуя деятельность Горького, невозможно не сказать о благотворном влиянии В. И. Ленина на идейные позиции писателя, об искренней дружбе этих великих людей. В книге мы находим лишь небольшую главку, рисующую выступление Владимира Ильича на Втором конгрессе Коммунистического Интернационала, видим Ленина с Горьким. За этой сценой мы как бы угадываем мысли пролетарского писателя, его сомнения, надежду на победу новой культуры, связанную с вождем мирового пролетариата.

Уже в те годы идеологические диверсанты вели свою черную работу по упрощению молодой советской литературы, они пытались уводить молодых писателей в сторону от народных истоков и национальных родников русского искусства. «Мы жили в ближайшем соседстве с дореволюционными писателями, настоящие вихри разнородных эстетик кружились рядом с нами, множество влияний обтекало нас...» — свидетельствует автор. Писать трудно. «Трудно, конечно, не потому, что всю жизнь надо учиться, а потому, что вся жизнь насыщена ежечасными влияниями школ, теорий, приемов, наконец — живых людей. Нужна какая-то китайская стена, чтобы оградить свою душу, сознание, сердце от этих влияний»,— признавался в письме к Горькому Федин. Стараясь уберечь его от вредных влияний, Горький в связи с получением книги «Города и годы» пишет: «Интересная книга и сделана интересно, местами очень чутким художником, но иногда задумываешься: не соблазняет ли вас Эренбург, этот нигилист на все руки и во сто лошадиных сил».

Очевидным достоинством книги является и опубликование переписки К. Федина с М. Горьким, которая не только свидетельствует о развитии взглядов обоих писателей, но и дает читателю непосредственное ощущение времени, доносит живой горьковский голос, дополняет собою картину бурных событий тех лет. Читая письма, адресованные молодому Федину, не перестаешь удивляться той целомудренной надежде и любви великого писателя к «литературным младенцам», трепетному терпению и пристальному вниманию, с каким он встречал появление нового дарования. Каждая, пусть даже небольшая удача молодого писателя доставляет Горькому искреннюю радость. «Получил книги Тихонова,— пишет он в письме к Федину.— Прошу вас: передайте ему мой искреннейший привет и мое восхищение: очень хорошо, стройно растет этот, видимо, настоящий!»

Автор книги «Горький среди нас» уведомил читателя, что он не ставит задачи писать широкую автобиографию, а хотел лишь показать ту сторону жизни, которая была связана с Горьким. Он рассказывает о роли пролетарского писателя в своей судьбе и в судьбах других писателей, которые находились под наблюдающим взором Горького. Но вместе с тем Константину Александровичу Федину удалось объемно и глубоко раскрыть и показать литературную жизнь начала двадцатых годов, полную творческих поисков, противоборствующих и самых противоречивых групп и течений. Эта книга действительно является частью истории советской литературы. Она войдет в горьковедение как одна из лучших ее страниц. Ибо кто может лучше сказать о Горьком, чем его ближайший соратник, выдающийся мастер русской прозы, верный продолжатель горьковской школы вечно молодого литературного искусства, устремленного в будущее.

ПЕРВЫЙ ДЕПУТАТ

Новая картина известного советского живописца, академика, народного художника СССР Дмитрия Аркадьевича Налбандяна «Выступление В. И. Ленина с балкона Моссовета в 1919 году» приобретена исполкомом Московского городского Совета депутатов трудящихся. Эта картина опубликована на нашем календаре.

В беседе с нашим корреспондентом первый заместитель председателя исполкома Моссовета Василий Павлович Исаев сказал:

— Картина народного художника СССР Д. Налбандяна «Выступление В. И. Ленина с балкона Моссовета» точно передает героическую атмосферу далеких и вечно памятных дней первых лет революции.

Неяркий осенний день. Красные сполохи флагов озаряют лица людей, запрудивших узкую Тверскую улицу, обращены вверх, к маленькому балкону, на котором стоит оратор.

Вдохновенное лицо трибуна. Энергичен взмах сильной руки. Ленин!

16 октября 1919 года Владимир Ильич с балкона Моссовета обратился с речью к рабочим-коммунистам Ярославской и Владимирской губерний, отправляющимся на фронт против Деникина.

Именно этому эпизоду и посвящена новая картина Д. Налбандяна...

Если бы была организована художественная выставка, посвященная теме «Ленин и Москва», то ее экспозиция, вероятно, заняла бы несколько таких больших выставочных залов, как Манеж, настолько эта тема популярна у советских художников.

Москва всегда занимала большое место в жизни Ленина. Он был одним из создателей и руководителей социал-демократического движения древней столицы, очень часто бывал в ней, внимательно следил за работой ее партийных организаций.

На постоянное жительство в Москву Ленин прибыл 11 марта 1918 года, когда из Петрограда переехали ЦК партии и Совет Народных Комиссаров.

Читая хронологию жизни Владимира Ильича, поражаешься его многогранности, неутомимости, многосторонности его деятельности. Неоднократно уже говорилось о том, что гениальность Ленина проявлялась во всем — начиная с мелочей быта и кончая великими теоретическими открытиями, грандиозными практическими свершениями. Это знают все. И тем не менее это всегда поражает воображение. Кипучая энергия вождя революции неисчерпаема! Об этом можно судить хотя бы по такому примеру: с 12 марта 1918 года по 20 ноября 1922 года Владимир Ильич только перед трудящимися Москвы и Подмосковья выступил более ДВУХСОТ раз! И это несмотря на сверхзанятость свою в Совнаркоме и других органах!

Свой талант трибуна, оратора Ленин, как и всего себя, отдал революции, народу, Советам.

Много раз выступал Владимир Ильич и в здании Моссовета.

Его помощь Московскому Совету была неоценима: он помогал налаживать работу Советов, создавать руководство городским хозяйством, направлял деятельность различных комиссий.

Ленин лично занимался и вопросами снабжения столицы, и ее санитарным состоянием, и благоустройством, и жилищными проблемами, и строительством...

Он создает (под председательством Ф. Э. Дзержинского) специальную комиссию, которая занимается обеспечением трудящихся столицы жильем, намечает пути развития монументальной пропаганды (создание памятников, обелисков и т. д.), встречается с архитекторами.

Нет ни одной проблемы московского городского хозяйства, которой бы не занимался Владимир Ильич.

Трудящиеся столицы неоднократно выбирали Владимира Ильича депутатом в Моссовет («Трехгорная мануфактура», «Красный богатырь» и другие). Деятельность его в Моссовете — величайший образец того, каким должен быть депутат народа.

...7 февраля 1924 года пленум Московского Совета постановил навечно оставить в списках депутатов Моссовета Владимира Ильича Ленина.

И с тех пор после очередных выборов Моссовета депутатский билет номер один выписывается на имя Владимира Ильича Ленина.

...При входе в Белый зал вы видите яркие сполохи флагов, которые озаряют людей, запрудивших узкую Тверскую. Все лица обращены вверх, к маленькому балкону, на котором стоит Ленин.

Картина Д. Налбандяна, запечатлевшая облик вождя и народного трибуна, первого депутата Моссовета Владимира Ильича Ленина, большой вклад в Лениниану, которую вот уже почти полвека создают советские живописцы и графики.

ЗЕМЛЯ — ЗЕЛЕНАЯ ПЛАНЕТА

Меня попросили прокомментировать цветную вкладку новогоднего «Огонька», на которой читатель видит некоторых делегатов недавнего съезда колхозников. Здесь и мои земляки — кубанцы, и кое-кто из моих новых — после московских встреч — знакомых, и другие колхозники, не знакомые мне, но тоже делегаты Всесоюзного съезда.

Что тут сказать? Я же не посторонний, я человек пристрастный. Все эти люди особенно мне дороги, потому что они нашего полку, их руками делается урожай! Да, и вот такими нежными руками девушек из Таджикистана и Грузии тоже. Они, все эти люди, для меня самые красивые! Вглядитесь в черты прославленного моего земляка, кубанского комбайнера Дмитрия Ивановича Гонтаря! О многом говорят и две его Золотые Звезды, и его морщины, и его взгляд. Глаза Дмитрия Ивановича здесь, на снимке, мне показались даже чуть грустными, и я понимаю этого человека. Ведь он отдал лучшие годы жизни полю, хлебной степи, и вот в ноябре 1969 года был приглашен на съезд уже в звании ветерана колхозного строя... И еще я подумал, как же много сделано для всех нас, наследников старых хлеборобов, если среди выпускников только одного производственно-технического училища, что в станице Ленинградской, откуда родом и Д. И. Гонтарь, уже сейчас насчитывается 26 Героев Социалистического Труда. Двадцать шесть! Вот это кузница так кузница! Но и мастерство сотен новых будущих героев с годами растет!

Это и его школа, Дмитрия Ивановича, это еще один его след на земле! Как же было станичным хлопцам не мечтать о комбайне, если каждую страду гремело имя дважды Героя Дмитрия Гонтаря — комбайнера. Просто комбайнера.

Конечно, я должен признаться, что провожал 1969 год со сложным чувством. Хорошим он был или плохим? Как поется в песне, трудно высказать и не высказать все, что оставил он у меня на сердце и в памяти. Почему? Да потому, что у нас, у хлеборобов, свое — и довольно специфическое — отношение к каждому минувшему году. У нас своя мера, а зависит она впрямую от урожая, от намолота. Урожайный год всегда остается в памяти как хороший, что бы там ни случилось. Но всем известно, что именно для земледельцев Кубани прошедший год сложился недобрым. Мы, как никогда прежде, испытали черное дыхание стихийного бедствия, нежданного и жестокого. Поля наши попали в пыльный плен. Потом грянуло наводнение...

И все-таки есть у старого года и другие приметы! Помните радость, которую вызвал полет трех космических экипажей? Для меня и моих земляков эта радость была двойной: отныне в отряде космонавтов есть и наш кубанский казак! Это инженер-исследователь Виктор Васильевич Горбатко, уроженец известного (а теперь, можно сказать, дважды известного!) совхоза «Венцы-Заря». В канун Нового года Виктор Васильевич побывал на родине, встретился с нами, земляками, получил в дар старинную казачью одежду, а нам рассказал о космосе, о радости возвращения на Землю.

Космонавты утверждают, что из тьмы космоса наша планета видится голубой. Не могу поверить! Я мысленно вижу ее зеленой.

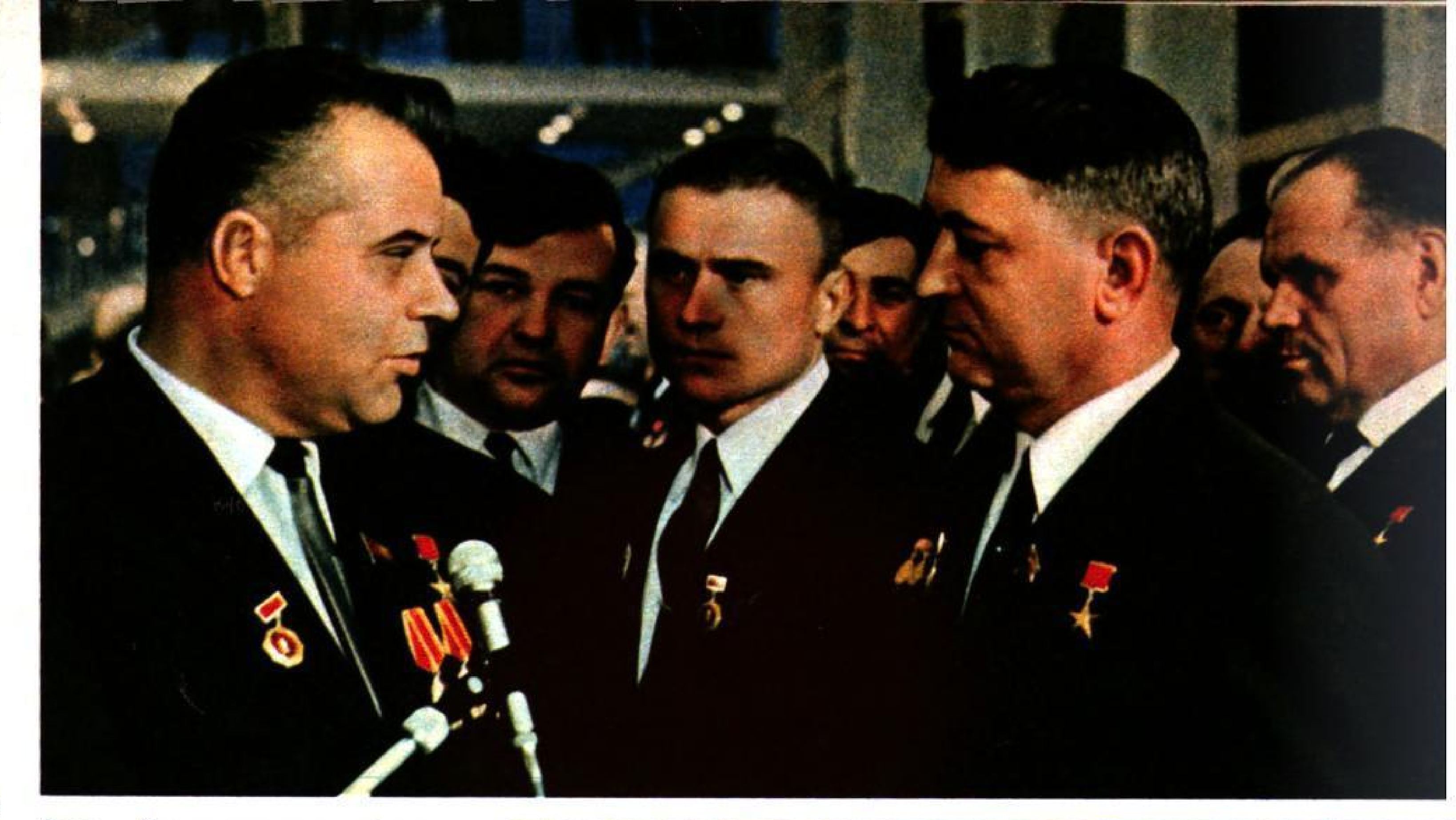
Земля — зеленая планета!

Вадим ОСТАПОВ,
звеньевой колхоза имени Ленина,
Герой Социалистического Труда,
делегат Третьего
всесоюзного съезда колхозников

ТРЕТИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД КОЛХОЗНИКОВ

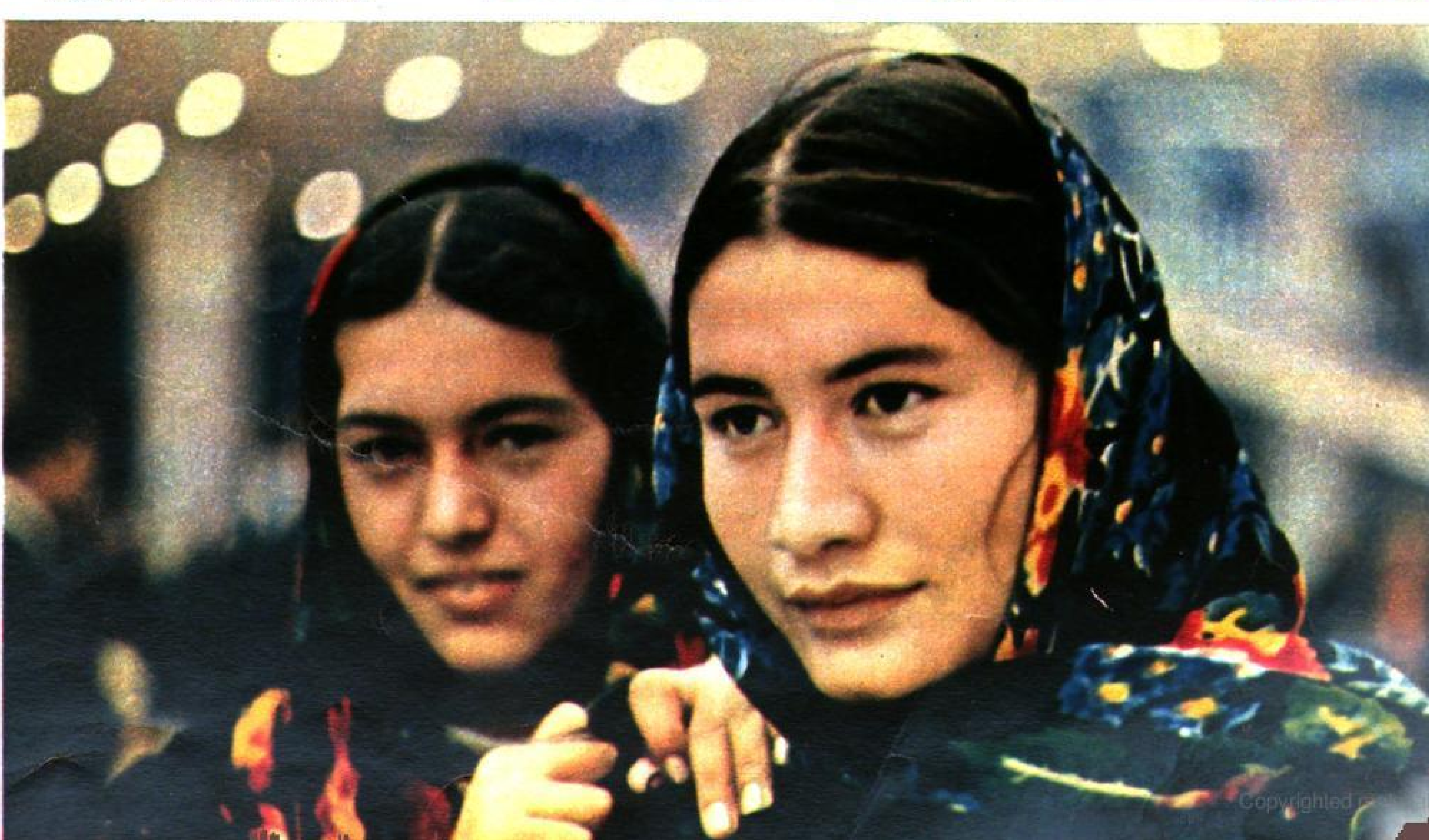
Фото А. Гостева.

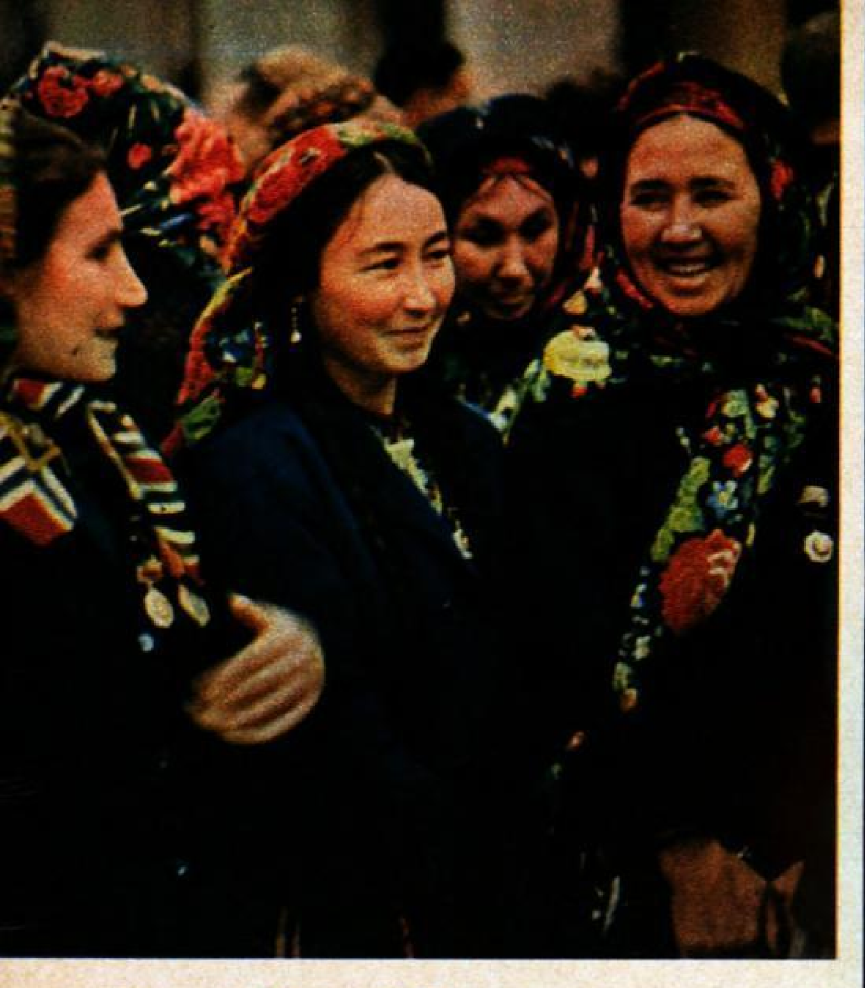
Герои Социалистического Труда председатель колхоза имени XXII съезда КПСС, Винницкой области, В. М. Кавун и бригадир колхоза «Кубань», Краснодарского края, М. И. Клепиков.

Герой Социалистического Труда полевод колхоза «Заветы Ленина», Курганской области, Т. С. Мальцев.

Водители хлопкоуборочных комбайнов из Таджикистана Кенджамо Сафарова и Балхумар Ишомова.

Делегаты из Туркменской ССР.

Дважды Герой Социалистического Труда комбайнер колхоза имени Кирова, Краснодарского края, Д. И. Гонтарь.

Свекловод Александра Савченко из колхоза «Перемога», Черкасской области, и секретарь комитета комсомола из села Гулиани в Грузии Гулнази Джиджиешвили обмениваются адресами.

Делегаты из Узбекистана: Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Политотдел» М. Хван, дважды Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Полярная звезда» Ким Пенхва и колхозница Д. Салимбаева из колхоза имени Куйбышева.

Перед началом заседания...

Огромен и неповторим наш зеленый мир, поля пяти континентов, которые человек возделывает уже не одну тысячу лет. И в какие бы дальние дали ни устремлялся человек, он неизменно возвращается и будет возвращаться на Землю! Я думаю, что сердце космонавта В. Горбатко и сердце старого комбайнера Д. Гонтаря одинаково принадлежат Земле. А Золотые Звезды, что вручила им Родина за их подвиги,— это звезды одного созвездия...

Вот написал я выше слово «Земля» с большой буквы, как принято обычно отличать планету от той земли, что мы пашем и засеваем. Нет, не планету имел я в виду, а именно тот небольшой, да и не везде богатый, всегда живой слой почвы, без которого немыслимы ни наша древнейшая профессия земледельца, ни самая жизнь. Колхозную Землю надо писать с большой буквы, тут никакой ошибки не получится! Просто она того заслуживает еще и потому, что все наши думы сегодня, после колхозного съезда, о ней, о Земле, о том, как приумножить силу ее плодородия.

И силу притяжения! Да, и притяжения. Ибо человек, даже мечтающий о звездных полетах, все-таки остается на Земле.

И дело, которому посвятили жизни и таланты Терентий Семенович Мальцев и Дмитрий Иванович Гонтарь, которому служат не за страх, а за совесть председатель Василий Михайлович Кавун и мой земляк, бригадир Михаил Иванович Клепиков — они тоже представлены на сегодняшней вкладке «Огонька»,— это дело сродни работе космического инженера, крестьянского сына Виктора Горбатко.

Одна дорога ведет и на пашню и к звездам.

Я счастлив, что был делегатом колхозного съезда. Именно счастлив. В Кремлевском Дворце не раз ловил себя на мысли: вряд ли кто из хлопцев в наших приазовских хуторах мечтал до революции о том, чтобы увидеть сказку Московского Кремля, побывать в его дворцах. И как же благодарен я моим друзьям-хлеборобам за то, что они послали меня в Москву. Ведь у нас в крае немало и других достойных механизаторов! Возвратившись домой, я не уставал рассказывать про заснеженные кремлевские ели, и про Вечный огонь у кремлевской стены, и про тот разговор о нашей всесоюзной пашне, который шел на съезде колхозников.

Спят сейчас поля. Но не знает покоя степное наше братство. Вот и наступил год, который войдет в историю как ленинский. С именем Владимира Ильича связаны все те преобразования в укладе крестьянской жизни, которые приближают колхозное село к городу. Смешно слышать о сохе, а ведь наши родители ее не просто помнят, они шли за ней, погоняя волов. Теперь одно мое звено механизаторов управляется с такими полями, которые едва за день обойдешь! Изменился характер производственных отношений. Перед нами перспектива деятельного, плодотворного труда на земле теперь уже на новом уровне, по новому закону колхозной жизни. Я имею в виду концентрацию и специализацию производства, торжество проверенного у нас принципа организации труда механизированных звеньев, покончивших со сдельщиной и палочной-погонялочной. Перед нами открыт путь к аграрно-промышленным комплексам, а это — лучшее развитие ленинской идеи кооперации в сельском хозяйстве. И все это, конечно, на основе хозрасчета, подлинной внутриколхозной демократии, ленинского кооперативного принципа в хозяйствовании.

Стыдно было бы любому из нас прийти к 22 апреля 1970 года с пустыми руками... Мы сделаем все, чтобы поля наши стали еще урожайнее, чтобы село зажило еще более интересной современной жизнью. Об этом наверняка думали в новогоднюю ночь и те замечательные люди колхозного села, которых читатель видит на цветной вкладке.

Мой новогодний тост за Землю, нашу зеленую планету! Мира — полям, счастья — людям, силы — Родине!

С новым хлебом, товарищи!

Приморско-Ахтарск,
Краснодарский край.

Дондок УЛЗЫТУЕВ

ПЕСНЬ

С белым месяцем,
с белым месяцем,
с белым месяцем
вас и меня!
В светлый ливень
растущей луны
в первый раз
улыбнулась земля.
Улыбнулась синему небу.
И от этой улыбки
стало грустно
белому снегу.
Он услышал,
как дышит весна,
как набухшие ветви
колышут ветра.
С белым месяцем,
с белым месяцем,
с белым месяцем
поздравляю людей.
Голубую Кижингу
порадую песней своей.
Там высокие горы молчат.
Там глубокие воды шумят.
Там хорошие люди живут.
О земля!
Осеняю твой кров
тихой песней своей.
Беловерхие юрты,
словно седла богатырей,
украшают землю отцов...
О родная земля!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ

Ты прекрасна,
древняя степь.
Ты прекрасна,
белая цепь
окаймляющих степь Саян.
На заре оседлаю коня
и помчусь,
чтоб лицом к лицу
повстречаться со словом
«Мэндээ!» [1],
чтобы свежий воздух вдохнуть
и расправить затекшую грудь.
Всем улусам,
всем землякам —
скотоводам и пастухам —
в этот день говорю:
«Мэндээ!»
От пернатых лесных и степных
птице жаворонку за то,
что он первым слышит весну:
«Мэндээ!»
От весенних синих ветров,
к нам летящих
из тьмы веков,
золотому солнцу —
«Мэндээ!»
Тополю на степной груди,
вам,
серебряные ручьи,
сизым рощам
в синем дыму,
алому цветку моему
от седых стариков:
«Мэндээ!»
Победителям-седокам,
что гарцуют на площадях,
за отвагу и за азарт,
за победную страсть в глазах
от арканщика
«Мэндээ!»
И борцу на алом ковре,
и борцу на зеленом ковре —
пастуху,
что силен, как барс,
и стрелку за орлиный глаз
в этот день говорю:
«Мэндээ!»

[1] Приветствие.

Всем колосьям,
живущим в зерне,
всем живущим на этой земле,
всем пасущим
свои стада,
всем,
всю жизнь глядящим туда,
где грядущие зреют года,
говорю в этот день:
«Мэндээ!»

ПЕСНЬ ВЕСНЫ

Опять запестрела гора Хайранга.
Туманная мгла
окутала вереницу холмов.
На косогоре стадо коров.
Верхом на коне
с трубкой в зубах
сидит мой друг —
местный пастух.
Лошадь свободно пасется под ним.
В доме
среди полусонных холмов
я с приемником наедине
чутко прислушиваюсь к земле.
Мир то кричит,
то рычит,
то поет.
Ящик моргает зеленым глазком.
Лошади,
горы, легенды,
дом —
все на одной планете живем.
Все объединились во мне.

Южное небо пылает в огне.
Красное море бьет в берега.
Саксофонист дует в трубу.
Знамя плещется на ветру...
Мир магического глазка.
А на севере белый мороз,
ночь и пурга.
У меня под окном
подснежник
встал во весь рост,
раздвинув снега.

ПЛАМЯ ГУЛЯЕТ ПО СВЕТУ

Есть земли, где люди молчат.
Есть земли, где слышится шепот
(когда говорят о свободе).
Есть земли,
где пушки рычат,
где все заглушил этот грохот.
А мы на земле,
где слышны
оркестры, урчанье моторов,
и слух наш отвык от войны,
от громких ее разговоров.

А где-то в далеких краях
крестьянские хаты пылают
и на материнских глазах
родимого сына пытают.

Кровавая речка бежит,
дымится фруктовая роща,
и каска стальная лежит,
и тело разорвано в клочья...

Там птиц не видать на ветвях,
зато не сочтешь инвалидов,
и множество дыр в облаках
от бомб самых разных калибров.

И я не забуду никак,
хоть степь моя дышит покоем,
что слышится грохот атак,
и бомбы срываются с воем,
и пламя гуляет по свету
и подогревает планету!

Перевел с бурятского
Ст. КУНЯЕВ.

ЖУРНАЛИСТ ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ КОМАНДИРОВКИ.

ДВА ДИА

Леонид ***ЛЕРОВ***

Специальный корреспондент «Огонька»

...С «ПОВЕЛИТЕЛЕМ» МИКРОКЛИМАТА

октор Ганс Кох погружает собеседника в мир таинственных хитросплетений метеорологии и производства брикетов, микроклимата и качества наших пиджаков. Я слышал о нем еще до отъезда в ГДР. Имя немецкого ученого известно советским специалистам. Его знают в Эстонии, в городке, где была построена брикетная фабрика, оборудование для которой поставляла ГДР. Его знают и в Киеве, где дарницкие мастера капрона по достоинству оценили труды смелого экспериментатора: воздействуя на погоду в сфере микроклимата, он создает максимально благоприятный климат для производства самых разных изделий и для выполнения самых разных работ.

...В Лейпциге мы решили разыскать этого кудесника. Звоним в Геофизический институт при Лейпцигском университете имени Карла Маркса, где профессор читает лекции, руководит лабораторией. Нам отвечают: «В университете доктора Коха застать трудно. Его легче найти где-нибудь на производстве. Сейчас он, кажется, обосновался на фабрике по очистке шерсти».

Звоним на фабрику. «Да, он у нас. Доктор Кох решил, что для его лаборатории фабрика — более подходящее место, чем университет. Приезжайте, доктор рад гостю из СССР».

Профессор Ганс Кох действительно встретил нас весьма радушно, посвятив во все таинства своих поисков.

— Сфера моих исследований — взаимодействие различных изделий и метеорологических параметров. Я часто бываю в цехах ткацких и бумажных фабрик, в контрольно-измерительных центрах, на заводах полупроводников. Не везде меня принимают с распростертыми объятиями, не всем приятна встреча с человеком, который указывает на ошибки. Я это понимаю, не обижаюсь, знаю, что мы все равно расстанемся друзьями.

И профессор смеется:

— Я вам расскажу немного любопытную и немного смешную историю — она поможет понять суть нашего дела. Вы, вероятно, слышали про английскую камвольную пряжу. Экстра-класс! — И доктор Кох выразительно щелкает пальцами. — Смею утверждать, что до поры до времени никому в мире не удавалось добиться столь отменного качества гребенной пряжи, как в Англии. Хотя и в других странах люди имели в своем распоряжении такое же сырье, такие же машины и таких же мастеров. Монополия продолжалась до тех пор, пока в ГДР мы, промышленные метеорологи, не обратили внимание на... английскую погоду: туман, дождь, влажный атлантический воздух. Результатом наших исследований явилось утверждение, вызвавшее немало скептических улыбок: импортировать надо не английское сырье, а английскую погоду. Мы создали в производственном цехе такой же микроклимат, что и на Британских островах. И получили превосходную пряжу. Это и есть промышленная метеорология, которая дает моей республике ежегодно большой дополнительный доход. Одолевая сопротивление скептиков, она завоевывает достойное место.

И тут на меня обрушивается каскад сложных физических понятий, рассказы о миниатюрных приборах со странным названием «психрометры», способных измерять температуру, влажность внешней и внутренней поверхности тканей. Профессор старается популярно объяснить, к чему все это, а меня так и подмывает вернуть доктора к истоку нашей беседы. Не о психрометрах и воздушных заслонах. Совсем о другом: судьба гражданина и ученого.

Я знаю, что мой собеседник — блестящий знаток физики и геофизики, океанографии и математики, что его стихия — окружающий нас воздух, воздушный океан. Рослый, красивый, общительный человек с большой седой головой — ему под шестьдесят, — с крупными чертами лица, обаятельной улыбкой, он говорит о воздушном океане самозабвенно, с одержимостью юноши. Я внимательно слушаю его, но, честно говоря, думаю совсем о других воздушных океанах и атмосферах — социальных, политических, — которые, увы, не всегда были подвластны ему, доктору Гансу Коху, известному в кругу ученых многих стран как властелин воздуха.

Для меня беседа с немецкими учеными — это как бы продолжение разговора, имевшего место почти четверть века назад в поверженном Берлине. В моем потрепанном блокноте военного корреспондента сохранилась короткая запись — крик души немецкого интеллигента. Он стоял возле развалин своего дома, низкорослый, щуплый, в ободранном полувоенном костюме, с давным-давно не бритым лицом и немытыми руками. Дрожащими пальцами бывший учитель гимназии, бывший солдат Отто Курт прижимал кусочек мела к единственной стене, сохранившейся от того, что раньше называлось домом. Поверх кем-то хвастливо начертанного гитлеровского лозунга — «Берлин остается немецким» — Отто аккуратно вывел: «Я жив. Я буду приходить сюда каждый день в пять часов вечера». И подпись. Я спросил у него: «Что сие значит?» Он ответил по-русски, с небольшими заминками, подыскивая слова: «Я имею надежду, что есть кто-то живой из моей фамилии. Я имею надежду встретиться...» И немец, согбенный тяжестью годов и горестей, тоскливо оглянул руины. Я перехватил его взгляд и заметил: «Да, вам придется долго восстанавливать этот город». Учитель гимназии задумчиво посмотрел на меня и тихо, проникновенно сказал: «Город будет восстановлен... То не есть проблема... А души человеческие, души наши кто сумеет восстановить?» И, не дожидаясь ответа, неторопливо зашагал куда-то...

Слушаю Ганса Коха и вспоминаю Отто Курта. Вот человек, в прошлом тоже учитель гимназии, всей своей жизнью утверждающий: «Сумели, восстановили! Не только города, но и души!»

— Вы просите подробнее рассказать о начале пути. Извольте. — И профессор тяжело вздыхает. — Пусть будет так.

Ох, как трудно ему уходить в даль прошлых лет, и чем глубже он проникает в эти дали, тем становится печальнее.

— Я не был членом партии нацистов, но я бы покривил душой, если бы сказал, что мне был чужд тот угар, тот страшный дурман... Безумный, безумный мир, непостижимый психоз третьего рейха...

Он начинал самостоятельную жизнь как философ, закончив философский факультет в Мюнстере. Но в жизни Ганс Кох, увы, не нашел ясного ответа на многие вопросы, волновавшие философов. Одолеваемый противоборством чувств, Кох ринулся в мир физических понятий: в условиях фашистской Германии они показались ему более четкими, чем категории социальные. Он уехал в Берлин, поступил в университет и там увлекся метеорологией, океанографией.

— Университетский диплом обязывал меня пойти на работу в гимназию. Но тогда это было равнозначно вступлению в партию нацистов. Я вам сказал, что не хочу кривить душой — нацистский дурман был страшно заразителен. Но в партию нацистов я не пожелал вступать. Почему? Трудно ответить. Возможно, шестое чувство... В общем, учитель гимназии не пошел работать в гимназию. Так я стал метеорологом. Когда началась война, меня, естественно, забрало ведомство военно-воздушных сил. Я не был настоящим военным, и тем не менее я был причастен к делам тех, кто...

Доктор Ганс Кох сник, умолк. Ему горько вспоминать те страшные годы.

После войны он весь ушел в науку, в промышленную метеорологию, открывая новые ее возможности. Работал дни и ночи, в каком-то исступлении, чтобы забыться, не вспоминать: метеорология на службе убийц, разрушителей городов, цивилизации — все это осталось позади, кошмарным сном. Так ему казалось. Им овладели романтические иллюзии. Но ненадолго. Ганс Кох жил в Западной Германии, там, где родился и учился.

— Каждый день, — вспоминает профессор, — рождались новые замыслы, и все они были озарены заботой о людях, чтобы жилось им лучше. И вдруг... Собственно, это произошло не вдруг, а постепенно. Люди, окружавшие меня и от которых я был как-то зависим, все чаще стали говорить о грядущем реванше. «Этого требует совесть нации», — заявляли они. И коллеги и предприниматели, с которыми мне приходилось иметь дело. И старики и молодые фанатики истошно вопили: «Профессор, нация требует от вас помнить о ее великом призвании». Мне послышались знакомые напевы. Поначалу это были увещевания, призывы, а потом — домогательства, угрозы, категорические требования поставить промышленную метеорологию на службу военным. И не только немецким.

Так созревало решение оставить отчий дом, родные места, где все до боли близко твоему сердцу.

В 1954 году после встречи с друзьями в Берлине, после путешествия по ГДР доктор Ганс Кох вместе с семьей переехал в Лейпциг, где его соотечественники строили новый мир. Он пришелся ему по душе.

...Беседа наша уже близится к концу, и тут я решаюсь задать профессору вопрос, на который, быть может, ему и не очень-то легко отвечать.

— Вас не тянет иногда к родным пенатам?! У вас никогда не возникает мысль о том, что... Как бы это деликатнее выразиться?

— Не надо деликатнее, — прервал меня профессор. — Я вас понял, и вопрос ваш совсем не оригинален: не вы первый задаете такой вопрос. Позвольте вместо ответа рассказать вам поучительную историю. Дело было в Чехословакии, на международном научном симпозиуме. В перерыве между заседаниями ко мне подошел респектабельный господин, отрекомендовавшийся представителем западногерманского концерна: в ФРГ хорошо известны мои исследования, о них не раз писали специальные журналы. Так вот, сей господин из ФРГ от имени концерна предложил мне ежемесячный оклад в три тысячи западных марок: «Возвращайтесь к нам, в свой дом. Мы рады будем вам...» Вы, вероятно, догадываетесь, чем закончился тот наш разговор. Господин из ФРГ старался больше не попадаться мне на глаза... Это, пожалуй, все, что я хотел сказать в ответ на ваш вопрос.

И добродушное лицо профессора посуровело.

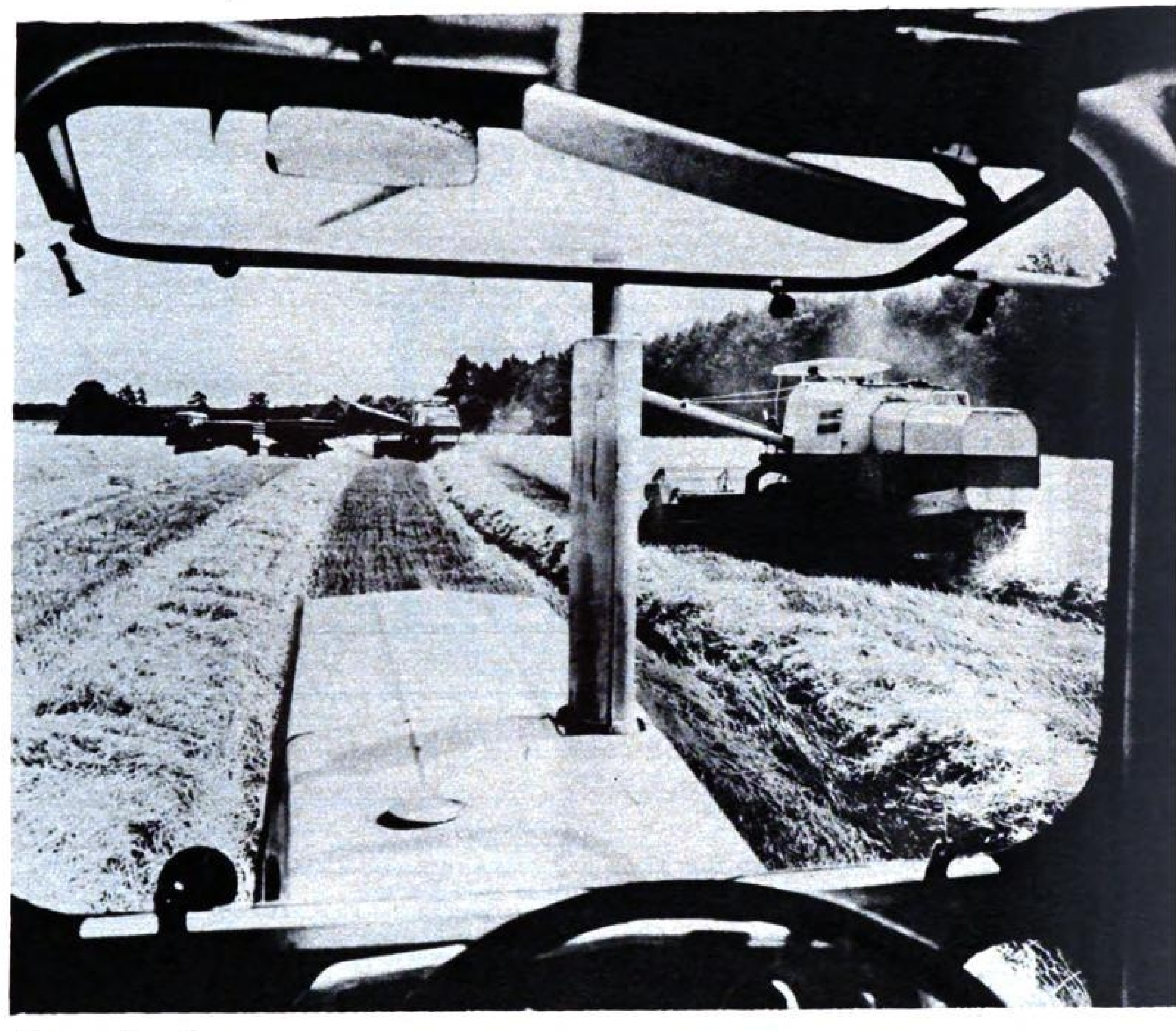
...Через несколько дней, вернувшись в Берлин, я рассказал о своей встрече с ученым немецкому коллеге. Он молча выслушал мой рассказ и раздумчиво, тихо сказал:

— «Повелитель микроклиматов»... Черт возьми, очень это метко сказано... Ну, а как же тогда назвать тех, кто в масштабе всей моей республики создает климат, наиболее благоприятный для духовного обогащения, обновления душ ее граждан, включая и Ганса Коха, включая немцев, что были когда-то жестоко отравлены ядом фашизма? Как назвать их — тоже кудесниками, магами? Скажите...

Это был риторический вопрос, коллега не хуже меня знал, как назвать их, строителей новой, социалистической Германской Демократической Республики. И, путешествуя по ее дорогам, я много раз с превеликой радостью за друзей и единомышленников отмечал, что линия стремительно-бурного созидания и неохватно-широкой реконструкции проходит не только через корпуса заводов, кварталы городов, но и через сердца людей. И много раз появлялось желание продолжить тот разговор, что начат был в поверженном Берлине с солдатом Отто Куртом: «Сумели, все сумели восстановить здесь, в ГДР, и Александер-плац и души таких, как вы...»

И вот еще одно продолжение давнего разговора. Уже не с ученым, а с крестьянином.

ЛОГА

На землях близ Потсдама. Фото Центральбильд. ГДР.

...С ЧЕЛОВЕКОМ, НЕ ПОВЕРИВШИМ ЛИСТОВКЕ.

...Андерс Вернер из села Охна, что недалеко от Потсдама. Глава большого, богатого сельскохозяйственного кооператива «Свободный крестьянин». Сын рабочего и сам в прошлом батрак, с детства познавший, что такое голод, нужда и оскорбленное самолюбие,— дети богатых, как могли, третировали его.

— Однажды, когда в доме не было ни куска хлеба, отец вдруг принес целую булку,— вспоминает Андерс.— Отец сказал: «Я нашел ее в саду». Он стеснялся сказать: «Я одолжил ее». Гордый пролетарий... Нужда была спутником всей моей юности... Затем представьте себе молодого парня, безработного, голодного, которому все время нашептывают: «Подожди, придут к власти нацисты, и Гитлер всем даст работу... Мы припеваючи будем жить в великой Германии, которая подчинит весь мир...» И — о, чудо! — Гитлер приходит к власти, и я получаю работу... Должна была совершиться страшная трагедия второй мировой войны, чтобы такие, как я, поняли, какой это был обман, какая это была чудовищно-лживая пропаганда, отравившая сознание миллионов немцев. А тогда я верил...

Со слепой этой верой в «великую Германию» он ушел на войну. Франция, Бельгия, Россия... Сражение под Ростовом и Курском. Счастливая случайность спасла жизнь — из-под Ростова его полк отправили во Францию. Плен. Англия. Лагерь военнопленных. Конец войны. Первое прозрение. И снова боль сомнений. Американцы тянут к себе, за океан, англичане предлагают остаться у них, а сердце зовет домой, в Германию, под Потсдам, туда, где люди хотят жить по-новому. Чашу весов перевешивает зов сердца, но тут же кто-то подсовывает листовку, в которой крупно-крупно набрано: «Если ты вернешься в зону оккупации русских, тебя ждет Сибирь». И громкоговорители разносят по всему лагерю призыв англичан: «Оставайтесь у нас! Вас выпустят из лагеря, и вы будете работать, как свободные люди». И снова то же предупреждение о Сибири.

— Я не поверил голосу радио. Я поверил голосу своего сердца: «Вернер, ты станешь игральной картой в чужих руках!» Но колебаний было много. Еще и потому, что кое-кто из моих сверстников говорил так: «Наша нация опозорена. Теперь стыдно быть немцем. Мы станем англичанами». Я отвечал им: «Это неправда, есть разные немцы. Я поеду домой и докажу...». И уехал. Сразу же получил работу — в торговом сельскохозяйственном кооперативе. Начал с простого рабочего... Но жил, как крот в норе. Боязливо выглядывал наружу и боязливо смотрел по сторонам: что творится в округе, чего хотят сейчас эти люди, которые называют себя коммунистами и уверяют, что Германия должна стать страной социализма? И тут судьба свела меня с человеком, которого я никогда не забуду. Он работал в том же кооперативе, что и я. Имя и фамилия у него были знаменитые — Франц Лист. Он тоже полной мерой принял горечь прозябания в лагере — только совсем в другом, концентрационном. Коммуниста Франца Листа бросили в лагерь в 1938-м.

Этот человек терпеливо разъяснял мне, что к чему, что для чего. Он беседовал со мной и по вечерам, дома, и на работе. Мы с ним мучительно, до хрипоты спорили — «остаточные явления» нацизма долго еще держали меня в плену... И Франц Лист находил удивительно простые и убедительные слова, объясняющие, что такое национал-социализм фашистов и что такое настоящий социализм, как его понимал мой великий соотечественник Карл Маркс. Если бы меня сегодня спросили: «Каким представляется вам настоящий партийный пропагандист?» — я бы, не задумываясь, назвал Франца Листа... Между прочим, позже он дал мне рекомендацию в СЕПГ...

Прошло еще несколько лет, и бывший лейтенант гитлеровской армии стал у себя в деревне страстным агитатором за переустройство сельской жизни, за организацию кооператива. Крестьяне говорили ему: «На словах у тебя все получается очень гладко, Андерс. Попробуй-ка дело сделать...» Он отвечал шуткой: «К сожалению, история не имеет уборщиц и машин, вывозящих ее мусор. Весь мусор приходится перерабатывать самим. Будем же своими руками перерабатывать этот мусор».

Вернера избрали председателем кооператива. И сразу же бунт зажиточных крестьян. Знакомые нам, советским людям, коллизии. У богатых — техника, корма, деньги. Бедняки, побиравшиеся у богатых, поначалу очень обрадовались: «Теперь мы не будем зависеть от богатеев». А потом испугались угроз: «Одумайтесь, пока не поздно». Кулаки не гнушались и прямых подкупов — за деньги покупали голоса бедняков, выступавших против кооператива, сеявших смуту, сомнения: выйдет ли что?

— А я и сам тогда сомневался,— продолжает Вернер.— Теоретически все должно было быть очень хорошо. Практически же... Чем я мог практически доказать, что кооператив — единственно верная для нас дорога? Однажды я собрал пятерых крестьян, имевших свои маленькие хозяйства, и сказал им: «Вот что, друзья, у нас скоро будет много тракторов. Вы должны пойти учиться на трактористов». Они накинулись на меня: «Ты, наверное, с ума спятил! О каких тракторах речь ведешь? Нам можно надеяться только на свои руки...» Теперь, когда я встречаю в деревне этих трактористов и спрашиваю: «Кто из нас шестерых с ума спятил?» — они весело смеются.

Ныне Андерс Вернер — человек, известный в ГДР. Он лауреат Национальной премии — это за разработанную им и практически осуществленную систему посменной работы в сельскохозяйственном кооперативе.

— Когда я робко высказал свою идею крестьянам, в комнате, где шло наше совещание, послышались насмешки и ядовитые реплики — свихнулся, мол.

...Сухощавый, голубоглазый, по-спортивному подтянутый, манерой разговаривать чаще напоминавший ученого, а не крестьянина, он был все время более чем сдержан. А тут, кажется, впервые за долгую нашу беседу на лице Вернера мелькнула улыбка.

— Это я-то свихнулся!.. Ну и публика же... Хотел дать жару насмешникам-скептикам, но сдержался. Спокойно продолжал настаивать на своем. В кооперативе много техники, к нам потянулось много молодых людей со специальным техническим образованием. Поймите же вы, говорю я крестьянам, они останутся у нас только в том случае, если условия их работы и жизни будут мало чем отличаться от городских. Надо думать не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем. Уже сегодня в нашей деревне доход крестьянина, члена кооператива, выше средней зарплаты рабочего в городе, хотя, как и в городе, он работает посменно — семь часов. А вот по части культуры, быта... Это завтрашний рубеж, который очень нас заботит сегодня... Мы посылаем сейчас каждого способного молодого крестьянина учиться в техникум или институт. Но хотим, чтобы он не по административному велению, а по желанию, исходя из личной выгоды, вернулся потом к нам... Вот так, как некоторые крестьяне раньше уехали в ФРГ, а потом, одумавшись, запросили: «Разрешите домой». «Что же, приезжайте,— сказали мы им.— И умный человек может заблуждаться. Дадим вам ваши старые дома...» Когда они приехали, мы ни о чем не спрашивали их. Будто ничего и не случилось. А что, собственно, спрашивать — и так ясно. Крестьянин, он знает, где ему выгоднее хозяйствовать... А к тому добавьте душу человеческую...

...Душа человека! И я снова вспоминаю терзавшегося сомнениями Отто Курта: «А души человеческие, души кто сумеет восстановить?» Спросите об этом у Ганса Коха, у Андерса Вернера!

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Дмитрий ОСИН

* * *

Сопки — в дымке волоокой.
Мглой замглился дальний кряж.
Ой, Амур! Амур широкий!
Амур-батюшка ты наш!

Величавый, полноводный,
опоясал ты тайгу.
И гремишь волной холодной
на открытом берегу.

За мечтой своей сошлись мы
здесь семьею дружной жить
и во имя коммунизма
этот край преобразить.

Нам открыты все дороги,
а для счастья — жизнь отдашь.
Ой, Амур! Амур широкий!
Амур-батюшка ты наш!

Ждут в Смоленске или Курске
писем наши старики.
А у нас теперь в Амурске
всюду страдные деньки.

В каждом доме новоселье,
в каждом доме дочь иль сын
и счастливое веселье
самых первых октябрин.

Сопки — в дымке волоокой.
Мглой замглился дальний кряж.
Ой, Амур! Амур широкий!
Амур-батюшка ты наш!

* * *

Не считали труд за труд,
не жалели сил, бывало.
— Пусть, мол, в клубе подождут,
лишь бы дело нас не ждало!

Заливается баян,
ярко лампочки сияют
и, мерцая сквозь туман,
вновь на танцы зазывают.

А попозже,
как пройдешь
новой улицею, в кленах,
под любым окном найдешь
на скамеечке влюбленных.

Там, в приманчивой тени,
где хоть глаз коли — не видно,
обнимаются они
и целуются укрытно.

Провожает журавлей
осень в край далекий снова,
тянет солодом с полей,
духом хмеля золотого.

Ох, не зря молва идет
далеко про вас, девчатки:
«Сахар пресен,
горек мед!
У свекольщиц губы сладки!»

* * *

Есть и в хлебе сегодняшнем,
круто замешенном, черном,
горечь бед миновавших,
пожаров, и крови, и слез,
горечь рваной земли,
зараставшей полынью и дерном,
горечь гари окопной
и горечь ничейных полос.

И не чудится ль снова,
как прежде, под градом
шрапнели, —
вдруг хрустнёт на зубах
не горячий, из печи, ломоть,
а железо, что танки
в полях размолоть не сумели
и сто лет не сумеют
еще жернова размолоть.

* * *

Балтийское море!
Балтийское море!
О чем ты, волнуясь, шумишь?
О чем так взыскуешь на вольном
просторе
и сердце до боли щемишь?

Стою на ветру твоем яростном
снова,
объехав, наверно, весь свет.
Признаться, нигде не видал
я такого,
а может, такого и нет.

Придет непогода,
пройдет непогода,
дохнет над полями весна.
И только мои отшумевшие годы
твоя не напомнит волна.

Пускай остается теперь мне
немного
и вся моя жизнь на виду,
куда б ни собрался опять я
в дорогу —
с тобой попрощаться приду.

Балтийское море!
Балтийское море!
Прими мой последний поклон.
И снова на вольном, на страшном
просторе
шуми до скончанья времен...

ГОД ПОБЕДЫ

К трем бывалым людям: профессору, доктору исторических наук, Герою Советского Союза Всеволоду Ивановичу Клокову, бывшему начальнику штаба чехословацкой партизанской бригады имени Яна Жижки, и к двум участникам III съезда колхозников, Герою Социалистического Труда доярке колхоза «Белоруссия», Гомельской области, Прасковье Васильевне Болюновой и кавалеру трех степеней ордена Славы, бригадиру колхоза из села Фонтан, Армянской ССР, Гиневану Мисаковичу Вопаняну,— наши корреспонденты Н. Быков и В. Павлов обратились с одним вопросом: «КАК ВЫ ВСТРЕТИЛИ ПОБЕДНЫЙ, 1945 ГОД!»

Фото Е. Халдея.

В. И. КЛОКОВ:

Накануне, в конце декабря, наша партизанская бригада имени Яна Жижки под командованием Теодора Пола с огромным трудом вырвалась из вражеской блокады и добралась до горы Втачник, что высится у самой чехословацко-венгерской границы.

С того самого времени, как гитлеровцы заняли центр Словацкого восстания — город Банска-Бистрицу, бригада не выходила из боев. Здесь, на Втачнике, мы впервые получили передышку.

Но радоваться было нечему. Вокруг Втачника были враги. Лишь мелким группам диверсантов и разведчиков удавалось пробираться через плотные заслоны врага. А тут еще половина бойцов была обморожена, половина больных, и все без исключения голодны.

С продовольствием дело обстояло туго. Жители окрестных сел, расположенных у подножия Втачника, делясь с нами последним, доставляли хлеб да картошку в тайные места на горном склоне, откуда их забирали партизанские снабженцы. Но продуктов было мало, да и добраться до тайников жителям не всегда удавалось: в села часто наведывались гитлеровские подразделения... Словом, мы перебивались с хлеба на квас. Какие уж тут встречи и праздники!

Представьте наше удивление, когда снабженцы в ночь на 31 декабря направились к тайникам, а утром привезли оттуда целую гору неслыханной по партизанским временам снеди. Чего только не

было: копченые окорока, настоящее салями, мясо, яблоки, пироги! И уж, конечно, бутылки с боровичкой и сливовицей! К яствам была приложена записка, в которой значилось примерно следующее: «Поздравляем с Новым годом. Желаем нашим дорогим партизанам хорошо отпраздновать. Да здравствует победа Красной Армии!»

Вот тут-то мы и вспомнили о том, что Новый год на носу!

Командир бригады приказал накрыть столы в «чаевне» — небольшой лесной сторожке, в которой располагался штаб. Комиссар Стефан Кошак принялся за елку. Втачник густо порос хвойным лесом, и выбрать зеленую красавицу не составляло труда. Зато с украшениями пришлось повозиться,— где взять игрушки? Помогла партизанская изобретательность. Елку увешали пачками из-под сигарет, патронными гильзами, ленточками. Под елкой (она была установлена во дворе чаевни) вылепили из снега Деда Мороза. Мы расположились под елкой, выпили по кружке боровички сначала за Победу, а потом за Новый год. Крикнули: «Ура!» А потом уселись за столы, на которых, кроме всего прочего, на видном месте красовалось блюдо жаркого из оленя, которого нам пожертвовал хозяин чаевни лесник...

Тот вечер мне врезался в память на всю жизнь. Ночь и вечер были удивительно спокойными, на заставах не грянуло ни единого выстрела. Небо над Втачником густое, синее, совсем как дома. Звезды — рукой подать... Как тут не запеть!

Бригада наша была поистине интернациональна. У нас был, например, взвод венгров. Был взвод немцев, которым командовал немецкий рабочий, коммунист Густав Гауптман. Были французы — молодые рабочие, бежавшие с гитлеровского военного завода (их командир, старый коммунист, понимал по-русски). Были даже американец, англичанин и канадец — летчики, которым мы помогли бежать из плена. Я уж не говорю о чехах и словаках, из которых в основном состояла наша бригада, и о нас — советских десантниках, высадившихся в Чехословакии, чтобы помочь братскому чехословацкому народу бороться с захватчиками.

И вот представитель каждой национальности поднял тост и пропел песню на родном языке. И рассказывал, как принято встречать Новый год у него на родине.

Никогда не знал, что есть столько непохожих обычаев. А потом мы грянули песню — единственную песню, которую знали все — и русские, и чехи, и французы, и немцы, и американцы,— нашу дорогую «Катюшу».

За столом в крохотной горнице чаевни было очень тесно. Огонь в камине и каганцы, заправленные жиром, едва освещали помещение... Но нам было очень хорошо. Мы знали, верили: мы встречаем не простой Новый год — победный. И что следующий, впервые после долгого и страшного перерыва на войну, будем встречать дома...

Так оно и случилось: в начале февраля на востоке мы услышали гром орудий. Это наступала Советская Армия. Она несла с собой весну — весну Победы.

П. В. БОЛЮНОВА:

— Ой, да разве теперь вспомнишь!.. Все годы войны слились в одну страшную зиму, в одну холодную ночь... Очнулась я, да и все жители нашей сожженной деревни, только 9 мая 1945 года. А вот как пришел этот победный год, не помню. Нет, мы его никак не встречали... Жили тогда и еще много лет в землянке я и мои три дочери. Младшей, Раисе, четвертый год шел. Она родилась, когда мой дорогой муж Павел Захарович уходил на войну. Как я рвалась с ним! Самое страшное — это расставание, да не на кого было оставить грудную Раю...

В новогоднюю ночь он еще был жив, может, и помнил на фронте с товарищами о Новом годе... Его убили 6 мая, трех дней не дожил до Победы. День Победы — это и было новогодие в нашем колхозе... У нас и встречать его, в 1945 году, нечем было. Стужа и голод. Лепили из глины кирпичики для печей. Пили отвар из листьев клевера, ели мерзлую картошку... Но жить надо было, надо было кое-как дожить до весны, до майского солнца... Дожили! Теперь две дочери, и Раиса в том числе, учительницы. А я как была дояркой, так и осталась. В ту последнюю военную зиму мне дали сначала четыре телочки. Выходила их...

Нынешнюю жизнь в нашем колхозе разве сравнишь с тем временем?.. Мы счастливы — вот и весь сказ!

Г. М. ВОПАНЯН:

— Встречал 1945 год на фронте. Где-то в Польше. Я служил наводчиком в артиллерии. Все шло уже к концу. Мы знали, что наступает год нашей Победы. Дорога к нему была жестокой. Я служил в армянской дивизии генерала Сафаряна. Мы прошли путь от Керчи до Берлина! Наверное, в ночь под новый, 1945 год я думал об Армении, о виноградниках, о теплом солнце; и о земле, оглохшей от выстрелов. Всю войну об этом думал. Где конкретно встретил тот Новый год, честно говоря, забыл. Вокруг была чужая земля, холодно, а я думал, что весна у нас в Армении начинается рано-рано.

ОБНАЖЕН СЕРДЦЕ

МОЕЙ ДОЧЕРИ

Как распятый надеется снова
коснуться ногами земли
далекой, словно солнечный шар;
надеется снова пройти
по земле,
слыша собственный шаг;
надеется снова
к земле прикоснуться
затекшей стопой,—
так я надеюсь
под теплым дождем
свидеться снова
с тобой.

Я ладонь твою —
жаркую, нежную молнию,
огненный лепесток —
удержу в руке.

У меня за спиной —
чужие знамена.
Сто дождей
нашей встречи
в каждой строке.

Родина,
я твой, распятый, верю:
снова коснусь ногами земли
далекой, как солнечный шар.
Снова пойду по земле,
с изумленьем
слушая собственный шаг...

НЕТ

Раны ее кричат:
«Нет!»
Цепи ее кричат:
«Нет!»
Горлица,
прикрывшая грудью
раны ее,
кричит:
«Нет!»
Нет! —
продающим Газу,
как рабыню на рынке.
Нет! —
меняющим Газу
на лживое слово.

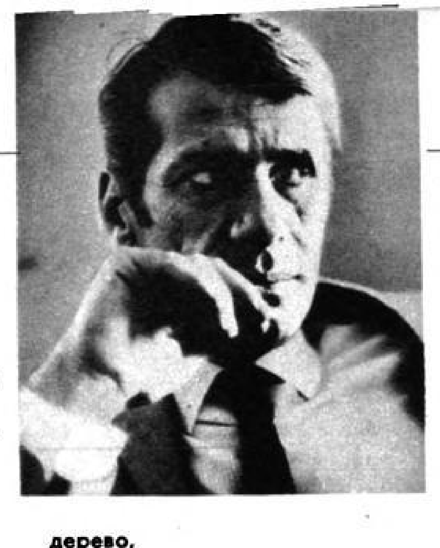
Газетные утки,
кончайте свое гоготанье,
дайте услышать:
«Нет!»
Умирает отчизна
во мраке:
без блеска юпитеров,
без мерцанья свечей,
без единого лунного блика.

Ни извещений в печати,
ни похорон,
ни поминальных стихов,
ни причитаний,
ни траурных маршей.

Рисунки П. Караченцова.

НОЕ

Муин БСИСУ

Палестинский поэт

Каменносердые, вы,
кто в погоне за модой
себя называет «барбудо»,
заткнитесь хотя бы на миг —
дайте услышать:
«Нет!»

Это кричит
стена
старого дома,
которая тысячу раз умирала
и все же стоит!

А вы
хватаете жадно
разносимую ветром
пыль отчизны моей.

Что ж, рассыпьте ее по
бутылкам —
ожидает товара
миллион торгашей!

ЖАНДАРМЫ

И снова пришли жандармы.
Разбуди городские колокола:
снова пришли жандармы.
Чтоб локти твои к лопаткам
загнуть,
снова пришли жандармы.
Грохочут
каменные ступни.
Снова пришли жандармы.
Улица — сломанная рука.
Снова пришли жандармы.

Разбуди мои строки:
темная вязь —
твой талисман и щит.
Разбуди мои строки —
орлиным крылом
выпрямятся они.

Молния-птица —
слово мое —
в тихой ладони спит.
Подними раскаленную гроздь!
Выжми огненный сок!

Слышу крик твоего окна —
распинают его.
Стонет, пересыхая, ручей —
пьет взбесившийся волк.

Дерево, стиснув зубы, молчит —
гложет его огонь.
Пловец, уцепившийся за скалу,
сброшен в водоворот.

Втиснули в каменную шинель
город, еле живой.
Кто, переулок, вправит тебе
вывихнутый сустав?

Малую птицу коршун когтит,
капли крови бегут
и, прикасаясь к старой земле,
встают волнами знамен...

Я, ТЫ И ОН

В его словаре
нет этих слов:
дерево,
птица,
цветок.
Он знает лишь то,
чему научили:
жечь деревья,
топтать цветы,
убивать птиц.
Его учили:
«Сердце — камень».
Выучили.
Сердце окаменело.
Надо было кричать:
«Да здравствует то!»,
«Долой это!»,
«Смерть такому-то!».
И он кричал
все, что надо.
В его словаре
никогда,
никогда
не было нас с тобой.
Он знает лишь то,
чему научили,
и он убивает —
тебя
и меня.

ПЕСНЯ С ЗАВЯЗАННЫМИ ГЛАЗАМИ

Куда волокут луну
с завязанными глазами?
Стоят облака валами
насупленных крепостей.
Распахиваются ворота,
о чем-то хлопочут тени.
Окна сломаны пыткой.
Дверь пробита ножом.
Крик колышется флагом.
Крик, словно лист осенний,
падает с дерева Плоти.
Падает, словно плод...

Родина, песня, где ты,
ответь, куда тебя гонят?
Тянется красная нитка
за тобой по земле.
Желтыми зеркалами,
черными зеркалами
мир дробится на части,
бьет меня по лицу.
Ради тебя, отчизна,
я выхожу на приступ.
Ради тебя подставлю
грудь свою под напалм.
Ради тебя таскаю
наручники на запястьях.
Ради тебя, неприкаянный,
всюду чужой — брожу.
Мой хлеб замешен на крови
ради тебя, отчизна.
Ты проколола сердце
огненным острием!

ПАДАЙ, СНЕГ

Падай,
снег,
снег,
снег,
обвиненьями черными.
Падай,
снег,
снег,
снег,
обвиненьями белыми.
Станешь стеклом,
станешь ледком,—
все равно ты растаешь.
Ни слоновой костью,
ни мрамором
ты не станешь —
ты растаешь.
Падай, снег,
обвиненьями черными.
Падай, снег,
обвиненьями белыми.
Я молчал
ночами несчетными,
и покорным
меня не сделали.
Родина, знай:
из меня не совьют
бельевую веревку,
на которой палач
просушит маску и плащ.
Не выйдет вешалка
из моей шеи
для вражьей каски,
для вражьей шинели.
Спина моя запомнила пытки:
тюрьма вспахала ее, как поле.
И вот — урожай.
Родина, знай!

Я несу на плечах тебя
и Освенцим.
Ты во мне,
и твои глаза —
не пуговицы на рубашке.
Ты во мне,
и твои рубцы
запеклись на груди.
Ты во мне,
я в твое окно,
заколоченное, стучу.
Ты во мне,
за тебя дерусь,
тебе отдаю перо.

Слышишь рыданье
последнего из сыновей?
Сердце пронзил я
веточкой пальмы твоей.
Слышишь, сухая, седая,
родная земля?
К горлу прижал я
цветок твоего миндаля.
Падай,
снег,
снег,
снег,
обвиненьями черными.
Падай,
снег,
снег,
снег,
обвиненьями белыми.
Станешь стеклом,
станешь ледком,—
все равно ты растаешь.
Ни слоновой костью,
ни мрамором
ты не станешь —
ты растаешь.
Снег,
ты растаешь,
снег,
ты растаешь,
снег,
ты растаешь...

ТАНЯ

Посвящается Тане Савичевой и всем ленинградским детям, погибшим в блокаду.

Таня,
я знаю, Нева будет течь,
как прежде;
земля, как прежде,
будет вращаться;
генералы будут
надраивать ордена;
а гарсоны
в бейрутских харчевнях —
полоскать тарелки и ложки;
в стамбульских банях
будут, как обычно,
подавать полотенца,
растаявший кусок мыла
заменят новым;
где-то на оконном стекле
в Дамаске
написаны будут стихи;
обезьяна-самка в клетке
зверинца
обзаведется новым самцом;
голубка у стен Иерусалима
будет плакать навзрыд,
и, как обычно,
будут хмуриться облака.

Но с тех пор,
как я о тебе услышал
и прочитал твои девять страничек,
осколками стекол
любая из песен
мне режет горло.

Твоя кровь бежит по лицу
Земли,—
как могу я смотреть
в это лицо?

Женщины мира,
чье плодоносное чрево
рождает зачатых в грехе
самых законных детей!
Слышите,
матерью Таня не будет!

«Первый день: умер отец...»
«Второй день: умер брат...»
«Третий день: умерла мать...»
Умерло окно,
зеркало,
дверь...
Умер дом, как ребенок,
на руках переулка.
«Я осталась одна...»

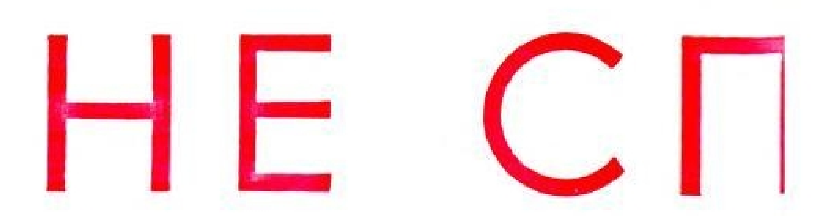
Миллионы троянских коней
стучали в ворота.
Но город,
воскресший от поцелуя
твоей изувеченной куклы,
новой Троей не стал.

Таня,
наш мир не стал еще розовым
садом.
Солдатская каска —
не цветочная ваза.
Убийцы прячутся,
словно консервные банки
в холодильниках.
Временно в анабиозе.
Размножаются медленно
и незаметно
и ждут своего особого часа.

Как же мне жить и писать,
если бомбы, как яблоки,
падают с неба;
если по-прежнему есть города,
чья кровь — на щеках палачей;
если новая Таня
в каком-то городе мира
ждет прихода убийц?!
Как мне жить,
если где-то новая Таня
пишет в своем дневнике:
«Первый день...»
«Второй день...»
А будет ли третий?
Кто знает,
будет ли третий день?
Будет ли третий день?

Перевел с арабского
Михаил Курганцев.

А. БОЧИНИН,
А. КОЛОДНЫЙ

Рис. Ю. Черепанова

Не спортом единым живы герои стадионов. Как и все мы, они любят повеселиться, провести время в кругу семьи или друзей, отдохнуть. Ну, а под Новый год им этого хочется вдвойне. Вот мы и решили встретиться с нашими добрыми знакомыми в нестадионной обстановке.

ИГОРЬ ТЕР-ОВАНЕСЯН: — Пространство я научился побеждать, время — нет. Вот почему не всегда удается похозяйничать дома. А жаль! Люблю сходить на рынок, а то и самому приготовить обед. Правда, сварить вкусный суп не всегда удается с первой попытки, но ведь и в прыжках в длину не всегда с первой попытки приходит победа.

Мужчину украшает терпение, и мои взгляды вполне разделяет Игорь-младший, мой сын. На этом снимке вы видите его восьмую попытку.

БОРИС МИХАЙЛОВ, ВЛАДИМИР ПЕТРОВ, ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ: — Тройка Петрова! Самое сильное хоккейное звено не только команды ЦСКА, но и советской сборной. Неудержимы их атаки, точны броски по воротам.

Мы привыкли встречаться с этими молодыми хоккеистами там, где кипят хоккейные страсти на льду. На правом краю — Борис Михайлов, в центре — Владимир Петров, слева — Валерий Харламов. Но не все знают, что они так же дружны и после игры, вместе посещают театры, кино, выставки, а иногда встречаются и за столом, чтобы распить бутылку кефира... на троих.

БОРИС ЛАГУТИН: — Не буду лукавить: бокс — это добрая половина моей жизни, и золотые олимпийские медали, привезенные из Токио и Мехико, до сих пор радуют мой глаз. Но времени для воспоминаний, как бы ни были они приятны, мне явно не хватает. Лекции в МГУ, практические занятия на кафедре, библиотека, тренировки — со всем этим нелегко справиться. А если и выпадает свободная минута, то я люблю провести ее дома, с мамой. Она знает это, ну и пользуется своей властью. Часто по ее требованию я помогаю ей разматывать нитки. И стоит мне хоть немножко поворчать, как мама напоминает: «Это же для тебя, сынок, тренировка. Смотри, руки в боевой позиции». Она у меня строгий судья и в боксе разбирается не хуже, чем в вязании.

ЛЕВ ЯШИН: — Открою вам один секрет: свободнее я себя чувствую не в спортивной фуфайке голкипера, а в обычном костюме. Не очень-то приятно ощущать на себе тысячи внимательных и требовательных глаз, знать, что тебе не простится ни один промах, ни одно неверное движение. Как хорошо, что еще не все поражены футболоманией, а то из ворот собственного дома было бы страшно выйти. Да и так приходится нелегко: от меня ждут ответа на многие вопросы — почему плохо в последнем матче сыграла динамовская защита? Видел ли я, что нмярек собирается пробить по моим воротам? А если видел, то почему пропустил мяч?..

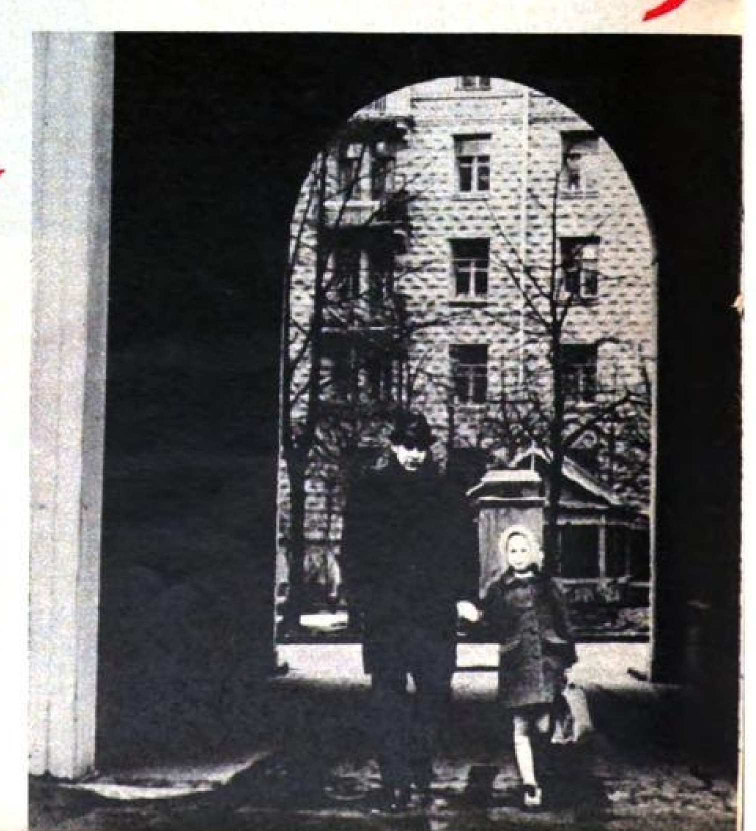
Такие летучие пресс-конференции мне приходится давать и в метро, и в переполненных троллейбусах, и просто на ходу на улице. Вот, может быть, почему я люблю рыбную ловлю: рыбаки — народ молчаливый.

ИРИНА РОДНИНА и АЛЕКСЕЙ УЛАНОВ: — После тренировки мы возвращаемся обычно пешком, — говорит Ирина. — О фигурном катании стараемся не думать, нельзя же все время думать об одном и том же.

— Да, действительно эти прогулки очень хороши, — с улыбкой добавляет Алексей. — Но только в том случае, если магазины уже закрыты. Пройти мимо какого-нибудь универмага бывает всегда очень трудно. А у прилавка Ирина действует по принципу: семь раз примерь, один раз купи. Так что я лично заинтересован в том, чтобы тренироваться побольше, ну хотя бы до восьми вечера.

6

ЗИНАИДА ВОРОНИНА: — Никогда не думала, что быть матерью так же трудно, как чемпионкой. Право, не знаю, что сложнее — побеждать на гимнастических состязаниях или справляться с четырехмесячным сыном. Во всяком случае, выходить из спортивной формы Димка мне не дает. День заполнен трудом до предела. И устаю я не меньше, чем после занятий в тренировочном зале. А когда Митя совсем меня замотает, я вручаю ему медали мои и мужа. Они очень его успокаивают. И вот что интересно: сын отдает предпочтение олимпийским наградам!

6

Кастусь КИРЕЕНКО

Рассказ

Рисунок С. БРОДСКОГО

Мне нужно купить баян

В санаторий я приехал после болезни. Твердо запомнил наказы врачей: жить спокойно и тихо, отдыхать и набираться сил. Да и что там наказы врачей! Я и без них понимал, что мне необходимо поправиться. После болезни был будто сам не свой. Уставал, даже разговаривая с кем-либо, даже глядя человеку в лицо. Поэтому старался, насколько возможно, держаться от людей в стороне. Когда сестра-хозяйка привела меня в столовую, я не стал разглядывать своих соседей, а произнес дежурную фразу: «Добрый день» — и углубился в меню. Выбрал и заказал себе обед. А дальше от нечего делать начал вспоминать свою последнюю рыбалку. Так учили меня в больницах: ни о чем серьезном не думать, а вспоминать о чем-либо легком, приятном.

Вспомнилось веселое прибрежье, все в зеленом убранстве кудрявых вязов и берез, запах и шелест явора возле Окуневого омута, звонкий лесной костер и рыбацкие разговоры возле него. Словом, только предо мною во всей своей привлекательности начали оживать воспоминания, и я забыл, где я, как внезапно почувствовал, что на меня кто-то внимательно смотрит. Я недовольно повернулся, чтобы избавиться от назойливого взгляда. Но это мне не удалось: я чувствовал взгляд даже спиной. Наконец, решил узнать, кто же меня так изучает. Скосил глаз и рядом с собой увидел женщину. Ей стало неловко. Она опустила глаза и низко склонилась над столом.

Я не знал, кто она такая. Понимая, что смущаю ее, все-таки не мог удержаться и искоса наблюдал за ней. Ее лицо поразило меня. Это было лицо обессиленного человека; иссеченные морщинами щеки говорили о несчастьях и нелегких переживаниях, а пышные косы женщины были почти седыми.

Она больше не поднимала глаз. И поэтому я не мог определить, сколько ей лет. Но вот нам подали наши диетические супы. Женщина потянулась за хлебом, я поспешил подать ей хлебницу, и тогда она подняла глаза. Я не скажу, что они внезапно взволновали меня. Видимо, я отлично усвоил поучения врачей все воспринимать спокойно. Но эти глаза не оставили меня безразличным. Никогда не видел таких больших серых глаз. Они светились, будто два ночных неба. Были они хотя и усталые, но молодые, и теперь я мог уверенно сказать, что этой женщине не более тридцати пяти лет.

После обеда, когда все остальные поднялись из-за стола, мы остались на месте. Она заговорила первой:

— Вы извините, что я на вас так смотрела.

— Пожалуйста... Но почему?..

— Вы...— Она примолкла, будто набираясь сил.— Вы... очень похожи на одного человека...

— Он был вам дорог?

— Да.

— Где же он теперь?

— Убит... В сорок четвертом... В Пруссии.

Мне надо было промолчать, но я сам когда-то опалился в огне войны, штурмуя фашистскую Пруссию, и мне стало жаль самого себя, и я забыл о горе женщины. И сказал ей большую глупость.

— А вы не верите, что за столько лет человек мог и воскреснуть? А может, я — это и есть тот самый убитый...

Женщина испуганно взглянула на меня и встала. Ее глаза, как мне показалось, на момент вспыхнули суровым блеском и сразу же еще более потемнели.

— Простите,— сказал я, а она кивнула головой и, заметно прихрамывая, торопливо вышла из столовой...

Мы встретились лишь на другой день за завтраком. Женщина уже была в столовой, когда я туда пришел. Я постарался поздороваться с ней сердечно и просто. Она ответила своими глубокими большими глазами, и я почувствовал, что между нами легла и какая-то напряженность и вместе с тем близость. Несколько раз за завтраком я ловил на себе взгляд женщины и понял, что она хочет что-то мне сказать. Все уже допивали чай, а женщина еще ковыряла вилкой омлет.

— Лена! Ле-на... Вы же такая слабенькая, Ле-на. Вам надо много есть,— сказал сосед, отставной генерал.— А вы... Разве это еда?

Его товарищ добавил:

— Ешьте! Иначе мы придумаем для вас очень тяжкую кару.

Женщина несмело улыбнулась, зарделась и ответила:

— Что-то не естся.— И неожиданно оживилась: — Знаете, я столько прохворала... столько прохворала... что отвыкла есть помногу... Ну, да ничего! Я выносливая!

— И все же вы должны есть,— сказал генерал.— Вам это необходимо, Ле-на...— Генерал с ноткой глубокой отцовской ласковости снова назвал ее по имени, чем несколько удивил меня.— Вы же еще молодая, а выглядите...— Он несколько замялся.— А выглядите не совсем хорошо... Идем! — предложил он соседу, и они поднялись.

Мы снова остались за столом одни. Некоторое время молчали. Я все еще не знал, кто она, откуда приехала. Правда, по ее акценту с самого начала узнал в ней белоруску. Женщина, как и все мы здесь, говорила по-русски, но ее произношение было до глубины души родным, в нем хорошо чувствовался новогрудский акцент. И я не ошибся.

— Вы из Минска? — спросила она сердечно и с ноткой надежды, по которой я понял, что для нее это имеет большое значение.

— Из Минска,— ответил я, в свою очередь, поинтересовался: — А почему вы подумали, что я из Минска?

— Я ничего не подумала,— медленно ответила женщина, перейдя с русского на белорусский язык.— А я здесь от кого-то услышала о вас. Скажите,— заговорила она более решительно,— вы не встречали в Минске Геннадия Цитовича?..

— Геннадия Цитовича? Кто же его не знает?! Я немного знаком с ним. А он ваш знакомый?

— Он даже когда-то советовал мне пойти в хор Ширмы. Вы не подумайте,— забеспокоилась она,— не подумайте... он советовал не потому, что не хотел взять меня к себе. Я и не просилась в хор Цитовича. Он как-то услышал, как я пою, и посоветовал пойти к Ширме. Я тогда хорошо пела... Я пела...— хотела что-то еще сказать женщина, но как бы застеснялась. Через мгновение она оживилась, будто ничего и не было.— Я когда-то и на баяне играла...

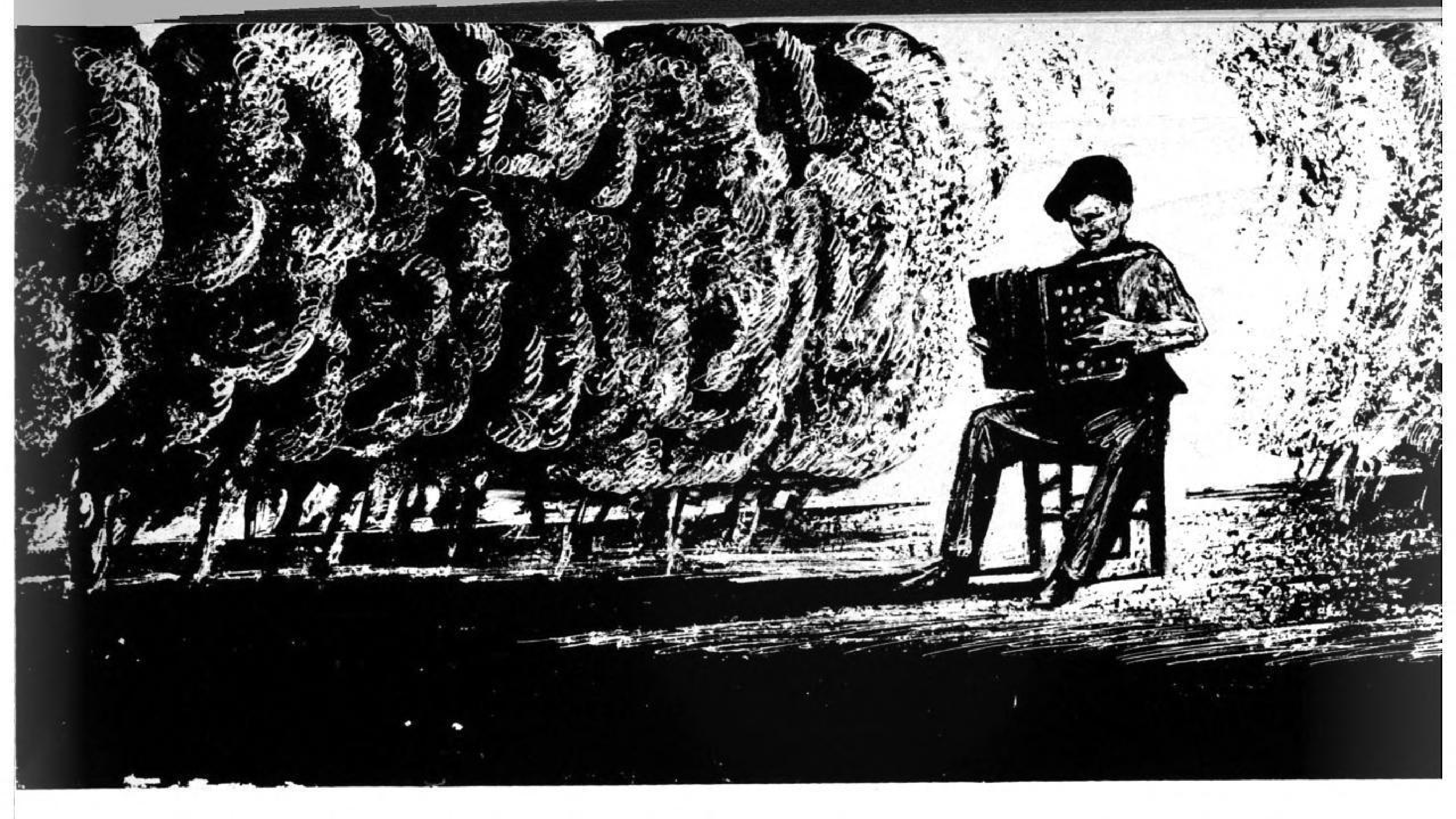
— А что же вы не послушались совета такого человека? Почему не пошли к Ширме?

Она вся напряглась, будто собралась в комок, и, помолчав, сказала равнодушно:

— Я вышла замуж.

— Но разве...

— Вышла я замуж,— перебивая меня, заговорила она, будто желая избавиться от какой-то мысли,— за одного человека. Я тогда пела в самодеятельности. Вышла замуж... И его сразу же перевели в Орел. А

потом...— голос ее стал тише и глуше,— он меня оставил...

Дальше женщина долго молчала. Я не знал, как мне быть. Но чувствовал, что не имею права теперь ее тревожить. Помолчав и будто очнувшись, она сказала:

— Я не знаю, кто вы, но что-то не дает мне успокоиться... Вы очень схожи с одним человеком. Я уже говорила. В Пруссии лежит. А вам, быть может, это неприятно слушать...

— Не думайте так! — запротестовал я.— Вы же знаете, что так нельзя говорить! И прошу вас: продолжайте! Если я напомнил вам дорогого человека, то знайте: не обижу вас!

— Правда, знаю...— Голос женщины стал сухим. Она смотрела куда-то далеко, будто в забытьи.— Ну, так что ж... Оставил он меня не одну. На третьем месяце ходила... Да еще и деньги все забрал. Что мне было делать? Продала все, одежонку, какая была, и уехала в свои Барановичи. А там жила моя старенькая мама. Специальность у меня была неплохая — я до замужества вышивала в художественной артели. Но, знаете, стыдно мне было туда показываться. И я поступила на хлебозавод...

Я слушал ее. Но мне хотелось крикнуть ей: сколько она натворила ошибок! Почему она не пошла к Ширме? Почему она побоялась вернуться к друзьям? Но я тут же подумал, что очень легко упрекать человека. Упрекать за то, что он такой, а не иной. Она будто прочитала мои мысли и сказала:

— Может, я поступила и не так. Но теперь-то не поправишь. Такая уж я есть... Так вот, работала на хлебозаводе. А помещения там огромные. Пока вымоешь полы... Вот тогда и родила я своего Бориску... Появился у меня сынок...— Женщина осветилась вся и гордо вскинула голову.— Тут и веселее мне стало и труднее. У вас же, наверное, есть свои дети, знаете, как их прокормить. Стало нас уже трое. А работаю я одна. Мама старенькая, куда ее пошлешь. Хорошо, что хотя сынок был ухожен. Вот и взялась еще одну комнату убирать. Больше хотела заработать.

Я не удержался и перебил женщину:

— Простите, но вы сказали тому человеку, что у него есть сын?.. Неужели он оставил вас без помощи?.. Это же сын! Сын!

— Сказала. Хотя нет. Я, может, и не стала бы говорить... Мама ему написала...

— И он даже не приехал?

— Приехал... Однажды приехал. Только не на радость мне. Пробыл у нас два дня. И тихонько исчез. Как вор. Даже не сказал, что уезжает. Ушел папирос купить. И не вернулся. Бориске моему теперь одиннадцатый. В четвертый класс перешел.

— Но что же это за человек такой? Как же вы могли выйти за него?

— Кто ж его знал...

— Ну, а вы, когда выходили замуж, любили его? Хоть немножко?..

— Любила? — Женщина задумалась.— Может, и любила...— Внезапно она вздрогнула.— Знаете,— быстро заговорила она,— я, наверное, любила в нем того, другого. Того, который погиб. Нет, видно, я тогда многого не понимала. Я думала, он такой, как тот. Оба же были под одной грозой. В одном огне...

Подошла официантка убрать со стола. Мы вышли в вестибюль. Сели за маленький столик.

— За таким я теперь вышиваю,— сказала женщина.

— Вышиваете? Значит, вернулись в артель?

— Вернулась. Но, знаете, до этого много чего было. Я только с год, как вернулась...

— Погодите: это ж, как вы говорите, прошло десять лет? Что же с вами было? Неужели за столько лет вы не смогли устроить свою судьбу? Неужели вам так никто и не встретился, кого бы вы могли полюбить?

Женщина посмотрела на меня, как на маленького. В ее глазах засветилось что-то от материнского сочувствия. Она ответила не сразу, как я понял, искала слова... Наконец она заговорила.

— Вот вы сказали: устроить судьбу. А знает ли кто-либо... знаете ли вы, какая доля постигла... девчонок...

— Азаренок! Ле-на! — громко прозвучало в этот момент в дремотно затихшем коридоре.

— Это меня. Простите...— Женщина быстро поднялась.

— К врачу, Леночка,— уже тихо и ласково донеслось оттуда, и, когда затихли шаги моей знакомой, я тоже поднялся — мне хотелось узнать, кому принадлежал этот решительный и такой интимно-ласковый голос. Но увидел я лишь белый халат и косынку медицинской сестры. Женщина, прихрамывая, шла рядом с ней и вдруг, будто что-то услышав, оглянулась и доверчиво помахала мне рукой...

Думая о том, что хотела сказать и не договорила женщина, я вышел на главную аллею парка, обступившего санаторий. Я догадывался, о чем она хотела сказать. Я ведь пережил эту войну. Она хотела сказать не только о своей судьбе, а о судьбах многих и многих... Тех, чьих парней унесло лихолетье войны... Тех, чья красота завяла, чья любовь не встретила желанного ответа... А я, чудак, еще спрашивал, как это она не устроила свою судьбу. Как хорошо, что она не успела мне объяснить!.. Я шел, взволнованный, и с радостью слушал таинственный гомон столетних деревьев, щурился от яркого летнего солнца. Хорошо было просто глядеть на аллею, запорошенную сухими лепестками цветов... И вдруг мою память резанула мысль. Неожиданно ударила в сердце фамилия этой женщины... «Азаренок... Азаренок... Азаренок! — билось в голове.— Где я слышал эту фамилию — Азаренок?..»

Незаметно для себя я свернул с главной на боковую аллею. Тревога, очевидно, взяла меня в плен, потому что я машинально сел на скамью, даже не заметив, что на ней сидит другой человек.

— Ну, как дела, сосед, привыкаете понемногу? — вернул меня к действительности знакомый голос, и я увидел перед собой серьезно-насмешливое лицо генерала.

— Простите! Я, кажется, чересчур задумался...

— Ничего! — ответил генерал.— Что за важность! Разве только с вами такое случается. У меня, брат, у самого бывает — что-то начинает казаться... Мало ли мы чего пережили...

У генерала забилась синяя жилка на виске, и он, будто нечаянно, прижал ее двумя тонкими пальцами.

— А скажите,— заговорил он,— вы давно знакомы с Леной?

— С Леной? К сожалению, встретил ее впервые...

— Так вы только здесь познакомились? А мне показалось, что вы давно знаете друг друга.— Генерал отнял руку от успокоившейся жилки. Задумчиво сказал: — Эта женщина... женщина!.. Она же тогда была почти девочкой! Так вот... эта женщина... была когда-то знаменитой партизанской разведчицей...

— Под Слонимом! Это было под Слонимом! — Теперь я вспомнил, где слыхал фа-

милию Азаренок... Это было под Слонимом, в иссеченных снарядами лесах... Там был трудный бой, и там партизаны крепко помогли нашей армии... Там я и услышал о ней.

Генерал взволнованно глядел на меня. Его пальцы снова легли на бьющуюся жилку.

— Вы были в тех местах? Вы и родом оттуда? Так, значит, мы с вами, как родные. Правда, я сам сибиряк. А воевал там, у вас, в партизанах. Под Слонимом и воевал. И это же мы и помогли вам тогда! — Генерал передохнул.— Извините, я всегда волнуюсь, когда вспоминаю те дни. Ваши белорусы не простой народ. Я думаю... каждый белорус был воином. А Лена... Лена вообще исключительный человек! Вы знаете, почему Азаренок седая? Она же попала в гестапо! И как оттуда вырвалась — легенда. Повели ее расстреливать. Два фрица. Так она не только вырвалась, а и привела одного фашиста в лес. Как ей это удалось? Она и сама не помнит. Видимо, понадеялись фашисты на то, что перед ними была девчонка, измученная, еле живая, что она сможет? А она смогла!..

Генерал достал платок, вытер пот. Волнение очень его утомило. Но молчал он недолго, видимо, был человеком простым и открытым, а такие не могут остановиться, не сказав всего до конца...

— Между прочим...— сказал он уже спокойнее.— Вы не заметили тут одной сестры, с Леной часто бывает? Марусей зовут. Лена спасла ее когда-то. Возвращалась из разведки (а она всегда одна ходила, у нее своя система была) и видит: возле одной деревушки на поляне два полицая распинают девчонку на кресте. Вы можете поглядеть — у Маруси на руках и теперь следы от тех гвоздей... Так вот... Лена и стукнула тех полицаев. Правда, ей после всыпали за это. Она ведь очень важные сведения несла и могла не донести, погибнуть... но, брат, всыпать-то всыпали, а уважать стали еще больше. Потому что кто же прошел бы мимо? Марусю в партизанском отряде вылечили. Она и воевала потом... И вот видите, как случается! — Генерал усмехнулся.— Если бы мне сказали, не поверил бы, что мы все трое вдруг увидимся! Маруся списалась с Леной, а я из своего Омска случайно приехал сюда. Хотя почему же случайно? Захотелось побывать в тех местах, где прошли огненные годы. Как говорится, дыхнуть воздухом молодости. И вижу — бог ты мой! — как в сказке, стоят две мои сестрички названые. Лену, правда, я узнал не сразу. Генерал снова прижал пальцами синюю жилку.— Вам известно, как с ней один поганец обошелся?

— Знаю, товарищ генерал. Немного известно,— с грустью ответил я.

— Тогда не буду об этом. Хотя нет, вы, наверное, не знаете, что он сделал, когда приехал на два дня?

Я испуганно взглянул на генерала. Что же тот человек мог натворить еще? Разве и так мало он принес ей горя?

— Извините,— будто виновный, сказал генерал.— Лена об этом не рассказала бы. Это Маруся открыла. Он же после тех двух дней снова оставил ее беременной. И сбежал... Сколько подлости в одном человеке! Я бы таких поганцев расстреливал! Но скажите мне,— загремел он грозно,— ответьте, откуда появились такие вот в нашем поколении?.. Откуда взялись, ответьте мне! Существа, которых даже смерть не научила любить человека!..

— Смерть? Любить человека?

— Может, я и не так сказал.— Генерал отдышался.— Смерть тут просто символ борьбы за жизнь. Понимаете: мне стыдно, мы же всегда несем ответ за свое поколение. Разве не так? Нам всем должно быть стыдно за то, что такие были среди нас и мы их не раскусили. И вот результат... Если бы я не знал Лены, возможно, я так не переживал бы это преступление. Но я же знал Лену! Одно ее имя поднимало людей в атаку! И вот, видите, какая она теперь. Вы видели ее руки?.. Знаете, сколько лет она страдала от ревматизма? Сколько лет в больницах? Глядя на нее, я думаю: да на нее же молиться надо! Вы обратили внимание — она прихрамывает... Это же она, работая в аптеке, грузчика спасла. Приспособился он ящик с медикаментами нести, а другой ему с машины на голову. Так это Лена бросилась и прикрыла грузчика. Как на фронте — помните?— закрывали телом товарища... Вот ей и раздробило колено...— Генерал повернулся ко мне, взял за плечо.— Вы моложе меня... Но мы прошли одинаковые испытания... и я думаю, что вы чувствуете то же, что и я... И что, по-моему, особенное в этой истории — Лена Азаренок осталась Леной Азаренок! Ни капельки мужества не потеряла она в жизненных передрягах. Пенсию ей дали — отказалась. Перемогла свои болезни — снова пошла работать! И сына вырастила! Вы знаете, что у нее есть сын?

— Знаю, товарищ генерал!— Я обрадовался, что могу высказать свое беспокойство этому пожившему, мудрому человеку. Ибо как раз о судьбе мальчика я и думал все это время.— Одно меня волнует, товарищ генерал, как бы подлость так называемого отца не надломила детскую душу...

— Не беспокойтесь! Вот об этом и хотел сказать. Лена Азаренок осталась Леной Азаренок! Ничто не унизило ее. И сына вырастит — будьте уверены, настоящего человека! Я горжусь, что знаю Лену! Подружитесь с ней, не пожалеете,— сказал он мне на прощание...

Взволнованный, не разбирая, куда иду, шагал я по тихой тропинке. Так дошел до берега тихого лесного озера и, наверное, здесь и остановился бы. Но неожиданно совсем поблизости послышалось тихое пение. Я прислушался: нетвердый, но приятный голос пел белорусскую песню. «Не плачь, мила, не плачь, люба, не плачь, не журися...» — скорее угадал, нежели разобрал я знакомые с детства слова. «Значит, здесь есть еще кто-то из Белоруссии!» — обрадовался я и быстро пошел на голос. Я обошел подстриженную аллейку шиповника и на скамейке увидел Лену Азаренок. Она сидела спиной ко мне, опершись на скамейку рукой, и пела про свою и человеческую боль. Я осмотрелся: как раз на самой тропинке, так, что приходилось его перешагивать, лежал отшлифованный серый камень,— и сел на него. Женщина меня не заметила.

...Не плачь, мила, не плачь, люба,
Не плачь, не журися.
Дам тебе такое зелье,
Ты им и напейся.
Это зелье, это зелье
Выше перелаза.
Как заваришь, как напьешься —
Все забудешь сразу...—

пела женщина, по нескольку раз повторяя отдельные слова, и я вдруг увидел ее партизанской разведчицей, вырвавшейся из гестапо, чтобы принести мне какое-то важное донесение. «Что это за донесение? Что за донесение?— тревожила мысль.— Куда мне идти? Чего опасаться? Что я должен делать? Что я обязательно должен делать?..»

...Буду пити, буду ести,
Капли не упущу,
И тебя я позабуду,
Как очаньки сплющу.
Повей, повей, тихий ветрик,
С зеленого гая,
Ой, вернись ты, мой миленький,
С далекого края.

Так какое же это важное сообщение? Быть может, мне надо что-то выбросить из души и что-то взять в свою душу? Что же мне выкинуть из души? И что мне взять в свою душу? Ага... Может, мне надо выбросить из души какого-то и своего пижончика? И, может, мне надо взять в свою душу с чьей-то болью и чью-то надежду?..

Сколько я так размышлял — не знаю, но очнулся от звонкой летней тишины. Тинькала в листве пеночка, терлись о камыши легкие, ласковые волны, ворковали голуби на крыше санатория, где-то неподалеку подрезала траву звонкая коса. Я вспомнил, почему здесь присел. А где же песня? Я поднял голову — встретился с большими озабоченными глазами Лены.

— А я уже долго здесь стою,— сказала она растерянно.— Вы о чем-то задумались. Вот я и ждала...

— Я думал о вас. Слышал вашу песню. Волновался, переживал.— Она задумчиво взглянула на меня.— И вообще я много теперь знаю... о вас, Лена... Лена Азаренок.

Женщина мне не ответила. Лишь глаза ее упрямо смотрели на меня, будто просвечивая насквозь. Может, она хотела убедиться, правду ли я сказал... Потом она двинулась с места. Шла она так медленно, что я никак не мог подладиться к ней своим солдатским шагом.

— Вот я снова петь начала...— заговорила она.— Теперь уже мне легче. Голос не изменился, только дыхания не совсем хватает. Ну, да ничего. Это, говорят, пройдет. И Бориска мой удался в меня. Слух у него хороший, мелодию так и схватывает!.. Я, когда снова петь начала, один раз взяла его на спевку. Заиграла я на баяне. А Бориска услышал песню и просит: «Дай, мамочка, поиграть...» И что ж вы думаете? Сразу подобрал мелодию. После того часто меня просит: «Возьми с собой, буду, говорит, играть!» А куда ты его возьмешь? Думаю вот, как соберусь баян ему купить... Пусть подучится... А потом отдам его в музыкальную школу! Из меня ничего не получилось, так хоть из него, может, что выйдет...

Я горячо запротестовал:

— Что вы говорите! Как это из вас ничего не вышло? Вы такая женщина! Вам надо быть учительницей в школе жизни! Тот человек, который вас так обидел, никогда не будет счастлив!

Женщина приподняла плечи, сжала кулачки в карманах кофточки.

— Спасибо вам,— сказала она таким сердечным шепотом, что мне казалось, будто он слышался издалека.— Спасибо вам за добрые слова. Может, я их и не заслужила. А про счастье... Не знаю, есть ли оно у того человека. А знаю только, что он как враг. Теперь, когда мой Бориска подрос, мне это стало еще яснее...

— Неужели ж тот человек не пожалел и сына? Знает ли Бориска что-либо об отце?

Она долго не отвечала:

— Хотя и много он мне горя принес, а все же я не унижала его перед Бориской. Не унижала из-за тех, кто в огонь войны ходил... Бориска, пока подрастал, даже гордился им... А теперь, вижу, стыдно ему становится, если кто напомнит об отце... Случилось это недавно. Как стала я Бориску учить на баяне, так он и написал тому человеку письмо. Я и не знала. Бориска мне после признался, когда ответ получил. Адрес он у бабушки выспросил. Написал, что учится играть на баяне... И что же вы думаете? Отписал своей рукой, что никаких Борисок не знает. Только подумайте! До чего дошел человек!.. Вот тогда сынок мой и загрустил. Маленький, а и он понял... Ну, да что ж, иначе и быть не могло. Бог с ним.

Незаметно мы дошли до главных ворот санатория. Там Лену ждали. С затененной скамейки навстречу ей поднялась высокая приятная женщина, немного моложе Лены. Толстая русая коса по-девичьи была переброшена на грудь. Одной рукой она поддерживала косу, а другой тащила за собой улыбающегося мужчину.

Лена поспешила распрощаться:

— Это мои приятели. Как нехорошо, наверное, я их задержала. Они закончили смену и хотят показать мне городской музей...

С Леной мы встретились только за ужином. Она была грустной, задумчивой. Допив чай, сразу встала и ушла. Но на выходе из столовой подождала меня.

— Знаете...— устало произнесла она.— Вы простите меня за то, что я все вам рассказала. У вас и своих забот хватает. Я же вижу, вам нехорошо. Простите...

— Идемте!— Я взял ее под руку.— О чем вы говорите! Я вам благодарен. За все, что вы мне рассказали, что услышал о вас. Если бы вы знали, как я вам благодарен! Не удивляйтесь. Я благодарен вам за то,

что вы хорошо обо мне подумали, открыли свою душу. И я надеюсь, что мы станем с вами друзьями надолго!..

Я не думал, что этот разговор будет последним.

Назавтра утром Лена сказала:

— Уезжаю я. В одиннадцать часов.

— Почему же так быстро?

— Вы только приехали, а я здесь уже давно. Есть у меня еще несколько дней. Но остаться не могу. Так и стоит в глазах Бориска. В школу пора собирать. В четвертый класс! — сказала она гордо, счастливо.— Вот...— Она торопливо открыла сумочку и подала мне аккуратно сложенный листок из школьной тетради.— Вчера пришло...

«Дорогая, любимая мамочка,— писала еще нетвердая, но старательная детская рука,— мы с бабушкой очень и очень тебя ждем. Но ты не волнуйся, мамочка, не думай о доме, у нас тут все хорошо, мы с бабушкой все делаем, чтобы тебе понравилось. Поправляйся, мамочка, и приезжай скорее к нам...»

Пока я читал письмо, женщина стояла и лучисто улыбалась всему миру. Я ощущал этот всеобъятный радостный взгляд, и ее счастье переполнило и мое сердце. Я крепко-крепко пожал ей руку... Через полчаса — и я, и генерал, и Маруся с мужем, и еще многие Ленины приятели — проводили ее к автобусу. Я был рядом с Леной, мы шли молча, думая каждый о своем. А возможно, это было не свое, а наше — я чувствовал, что нам тяжело расставаться, как тем однополчанам, которые вместе прошли через тяжелое испытание.

На прощание попросил:

— Сделайте добро, дайте мне адрес вашего Бориски. Может, я напишу ему.

Лена согласилась. Она уехала, а я ушел в свою комнату и, как любят говорить писатели, сел работать — сел писать, нет, не писать, а записывать в блокнот рассказ о ее жизни. Моей заслугой было лишь то, что я отбросил все советы и наказы докторов. Я запрятал в чемодан привезенный градусник. Потом пошел в магазин и купил пачку папирос. Подумалось: неужто для того и должен жить, чтобы не курить и не волноваться, чтобы мерить температуру тела и собирать какие-то силы? Ради чего не курить и не волноваться? И для чего набирать силы, если не волноваться? Зачем жить, если не волноваться?

Вернувшись в Минск, я зашел к редактору.

— Вот, брат,— сказал ему.— Привез из санатория рассказ. Мне обязательно, во что бы то ни стало надо его напечатать. Прочти...

Редактор прочел рассказ. Я видел: читая, он не остался равнодушным. Прочитав, долго думал, протирал платком очки. Затем доверительно сказал:

— Ну хорошо. Хорошо. Я с тобой согласен, такие истории в жизни бывают. Могла быть такая история. Но в чем твоя идея: что я скажу критикам?

— Мне надо купить баян,—ответил я.— Мне надо купить Бориске баян, а денег у меня теперь нет...

— А что же, это идея. Очень добрая идея!.. Пусть будет так!

И он приказал отдать рассказ в набор. И вот через месяц я получу гонорар. И тогда мы с моим сыном пойдем в магазин и выберем красивый певучий баян.

И потом по почте пошлем его Бориске.

Мы знаем, что наш баян будет в надежных руках. Потому что есть у Бориски славная мать, которая обязательно научит его играть. Она знает, чему его учить, ведь за жизнь много разных мелодий собиралось в ее глубокой душе. А Бориска — пусть он забудет свою обиду. Пусть верит, что люди на свете все добрые, такие добрые и сердечные, как его мать.

И мы верим, что когда-то приедет в Минск коллектив из Барановичей и среди музыкантов будет и Бориска с нашим баяном. И мы будем сидеть в зале и аплодировать ему.

Перевел с белорусского
Николай Медведев.

ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА ЛЮБОВИ ДОРОФЕЕВНЫ

Любовь Дорофеевна и ее дружные ребята.

Леня Елфимов играет Шута.

Зрители в зале.

Кот — Таня Мелькова.

Галина СМЕТАНИНА

Фото Гоарик ШМИДТ

Наверное, во времена Шарля Перро придворные были не менее обольстительны и галантны, чем этот изящный, вышколенный Кот. Он выбежал на сцену, улыбнулся победно и лукаво, и все 500 ребятишек безоговорочно уверовали: уж с этим-то Котом бедный его Хозяин не пропадет!.. Кот пел, веселился, и радость в зале нарастала. И только артисты да Любовь Дорофеевна Березина знали, что Кот всего час назад прилетел из Москвы, всю дорогу не спал, не ел и не пил: боялся, что опоздает к спектаклю и всех подведет. Но теперь и он ликовал. Поэтому-то такой сияющей была его улыбка и так веселы проделки...

Под стать Коту оказался и находчивый, умный Придворный Шут. В роли ни единой реплики, но самое присутствие Шута на сцене было совершенно необходимо, столько живости вносил он в общую игру, так запоминался.

Слаженно и чисто пел хор. Королева была стройна и величава; ее хорошо поставленный голос перекрывал музыку. А устрашающе грозный Людоед был голоден; когда он появился в своем людоедском замке и пропел: «Я есть хххоччу! Я страшно зззолл! Всех прррроглоччу — кто б ни пришшелл!»,— двое мальчишек, облокотившихся на сцену,— все места в зале были заняты — в ужасе отпрянули...

Когда спектакль кончился и зрители разошлись, артисты, разгримировавшись, собрались наверху, в небольшой репетиционной комнате... Вот они все сидят вокруг своей Любови Дорофеевны — так тесно сидят только друзья и единомышленники. И тут начинается, пожалуй, самое важное и не менее интересное, чем спектакль, который только что сыгран.

Все артисты — дети. На их лицах — оживление и восторг. Но есть тут и несколько взрослых. Это мамы.

— Варвара Аристарьевна — мама Кота, то есть Тани Мельковой,— знакомит меня Любовь Дорофеевна и тут же рассказывает, что артистизм Тани не просто природный дар. Мама ее больше тридцати лет участвовала в любительских спектаклях на Крайнем Севере, играла в пьесах Чехова и Островского, получила звание артистки народного театра, а отец, Петр Иванович Мельков, посвятивший всю жизнь освоению Севера — кавалер ордена Ленина,— участвовал в антирелигиозных зрелищных представлениях двадцатых годов. А вот мамы Вали Саванчука и Оли Малкиной; их дети пока еще ходят в «мышатах» и «козлятах». Правда, Оля к тому же еще и «кошечка».

— О! Без мам мы совсем бы пропали! — говорит Любовь Дорофеевна.— Олина мама — слесарь-инструментальщик на ковровом комбинате. Она помогла нам сделать декорации. А бабушка во время одного из праздничных утренников напекла для юных артистов целое ведро пирожков. Другие мамы сопровождают ребят на экскурсии и на гастроли по области.

А вот у девушки, что в голубом, Ани Дзарахоховой, — прекрасное сопрано. Она была незаменимой Бабой Ягой, а ходит к нам лет пятнадцать. Аня с отличием окончила музыкальное училище и уже три года поет в Казахском государственном ансамбле песни и танца.

— Вы наш гость,— обращается ко мне Любовь Дорофеевна,— видели наш спектакль свежими глазами. Какое у вас впечатление? Нам ведь это очень важно!

— Самое радостное,— отвечаю я.

— Вот видите, ребята, нас просто не хотят огорчать,— говорит детям Любовь Дорофеевна.— А сколько замечаний сделала я во время спектакля! Все ноты испещ-

рены пометками! Вы должны быть очень требовательны и себе, даже если зритель не заметит наших с вами промахов. Мы сами должны «цепляться» ко всем мелочам, которые портят спектакли... Ну, кто из вас заметил плохое?..

Что тут поднялось!

ТАХИР: Поварята забывали угощать придворных, все время суетились...

ТУРСУН: Возле камина много лишнего народу стоит...

АСКАР: У Осла уши оторвались...

ОДНА ИЗ МАМ: Надо сделать так, чтобы Мышка убегала за кулисы в темноте...

ЛЮБОВЬ ДОРОФЕЕВНА: Вот и у меня то же самое записано: «Мышка!.. Камин!!!» Слышишь, Мышка! Ты же ведь могла сгореть в камине!.. Вы слышите, друзья мои: от каждой мелочи зависит успех спектакля, успех театра. А мы должны быть настоящим Театром. Вас, девочки, видно из-за кулис. Леночка и Валя! Встаньте! Смотрите,— вы загородили косарей — Тахира и Аскара. А вот Шут — Леня Елфимов сегодня у нас молодец! Как неожиданны и как к месту были все его уловки: то поиграл с хвостом Кота, то дотронулся до шляпы, то сделал кульбит... К тебе же, Оля, у меня просьба: ну, почувствуй, пожалуйста, себя Придворной Дамой! Почувствуй себя подтянутой! Я так хотела тебе глазами подсказать все это. И за прической надо следить!..

Ни одна мелочь не ускользнула от руководителя. Было ли весело Королеве, когда «французские крестьянки» пели свое «траля-ляля»? А почему они были без корсажей? И знают ли «слуги», небрежно бросившие канделябры, как трудно доставать электробатарейки?..

— Вы чувствовали, что зрители довольны и благодарны нам,— напоминает детям Любовь Дорофеевна. — Это хорошо. Но ведь нам-то самим видны наши недочеты. Значит, нужно, чтобы в следующий раз они не повторялись. Мы недаром с вами «Дружные ребята»!..

* * *

Два года назад Любови Дорофеевне Березиной присвоили звание заслуженного работника культуры Казахской ССР. А «Дружным ребятам» (так с 1959 года называется руководимый Березиной детский оперный Народный театр при Втором Алма-Атинском авторемонтном заводе) исполнилось десять лет.

Но вот когда именно возникла у Любови Дорофеевны мысль организовать детскую оперу,— сказать трудно. Сама она по профессии биолог с университетским образованием, а по призванию — прирожденный педагог, вокалист. Воспитатель детского сада — такова была ее первая работа. Особенно бросалось ей в глаза, что дети чаще всего ритмичны, пластичны. Всегда с удовольствием они «перевоплощаются» — меняют голоса, разыгрывая сказки, очень любят петь. Все их навыки формируются в игре. Но попробуйте-ка их заставить часами стоять неподвижно, распеваясь: сразу у многих пропадет охота к пению! А пение — это систематическая работа над голосом... Дети устают и часто стараются сбежать с музыкальных занятий. А что, если пение театрализовать? Если взять песенку и разыграть ее, как сцену? Что, если сочетать художественное чтение и пение?

Первые опыты удались. Еще перед войной Березина организовала хор при Алма-Атинском Доме учителя. И опять пошла не по пути «академизма», а по пути «театрализации» занятий, считая, что души ребятишек обогащаются не только музыкой, а и сказкой. И правда,— дети оживились, охотно откликаясь на все события жизни. В 1942 году была поставлена первая опера при Алма-Атинском ТЮЗе — «Гуси-лебеди» Юлии Вейсберг, потом «Волк и семеро козлят» Мариана Коваля. Позже разучивали и ставили акты из «Маши и медведя» Красева, из «Кота в сапогах» Цезаря Кюи, из «Красной Шапочки» Раухвергера... Как могла, Березина убеждала всех в том, что музыкальная сказка для детей должна жить!

Ставила она оперы и при ТЮЗе, и при Доме пионеров, и при клубах...

Очень это было хлопотливое дело! Приходилось думать не только о режиссуре, но и о костюмах, о декорациях, о музыке... После войны жилось еще трудно: от оперы всюду старались избавиться. А Березина не успокаивалась! Она руководила хором в 35-й школе, и хор этот прославился на всю республику. Накануне VI Всемирного фестиваля молодежи Любовь Дорофеевна создала со своими школьниками такую яркую театрализованную постановку, что ее — как постановщика — послали почетным гостем в Москву.

Постановки Березиной готовились где придется: ведь тесно, помещений нет; однажды ютились даже в школьном гардеробе. Сводные репетиции тоже проводить было негде. А ребята уже полюбили свои спектакли, им уже хотелось играть!.. Грустное и комическое переплеталось. Над школой шефствовали пожарники. Узнав, что школьникам негде собираться, они пригласили их репетировать в... гараже, где стояли пожарные машины, готовые по первому же сигналу сорваться с места. Дежурные пожарники — в робах, касках, тяжелых бутсах — были первыми зрителями и вдохновителями артистов. Бывало, раздастся пронзительный вой сирены, миг — и зрители умчались на своих машинах. Актеры — мальчишки и девчонки — наверняка с удовольствием понеслись бы вместе с ними. А Любовь Дорофеевна только посмотрит на ребят — и полное спокойствие, никакой паники...

Теперь эти воспоминания вызывают у Березиной улыбку. Наверное, ребята и любят ее за то чувство юмора, с которым говорит она о самых серьезных вещах, за доверие и строгость.

...Детство уходит от нас не сразу. Почти всегда оно остается жить в каждом из нас, даже когда мы стали взрослыми и серьезными. Да и кому из взрослых не захочется вернуть, продлить то детское, во что недоиграл, во что очень верил...

У Надии Шариповой, кандидата искусствоведения, доцента Алма-Атинского института искусств имени Курмангазы, ответственный момент: решается судьба трех ее учеников — Александра Умбеталиева, Тамары Коваленко, Алмы Аспановой. Скоро будет известно, кто победит в конкурсе вокалистов трех республик — Казахстана, Узбекистана и Киргизии. В зале, за закрытыми дверями, заседает жюри, Шарипова волнуется: ведь это оценивается и ее работа... Так вот — все трое стали лауреатами и предполагаемыми участниками будущего международного конкурса имени Чайковского.

Надия тоже говорит о Березиной как о своем первом учителе, о друге на всю жизнь.

— Любовь Дорофеевна,— говорит Надия,— очень глубоко чувствует детскую психику, мудро обращается с детскими голосами.

Почти тридцать лет прошло, а самое яркое воспоминание детства у Шариповой — девочка в конопушечках, поющая партию Ежа:

Я ко-лю-чий чер-ный Еж,
На дру-гих ежей по-хож...

— До чего же мне самой хотелось петь Ежа! Я мечтала об этом, умирая от зависти,— смеется Надия...

Обычно в искусство приходит молодежь «взрослая», определившаяся. К Березиной же попадают малыши, начиная от первоклашек. И она принимает всех, хотя ни для кого поблажек не делает. Вернее, принимает не она, а худсовет — старшие ребята, ведущие вместе с Березиной отборочные испытания. Впрочем, экзаменаторы тоже доброжелательны и уж если у кого-то замечают способности, то всячески стараются убедить свою руководительницу, что из новичка будет толк! И кем бы ни стали потом воспитанники Березиной, общение с ней навсегда оставляет след в их жизни.

Весной будущего года все актеры Любови Дорофеевны — и «старые» и молодые — будут торжественно отмечать ее семидесятилетие. Но многие не ждут никакой даты, они просто приходят к Березиной.

«Здравствуйте, Любовь Дорофеевна! Вы меня не помните? Я был у вас Серым Волком», «А я — Бабой Ягой», «Я — Козленком!», «Я — Петушком!», «Котом!», «Королевой!..»

— А кто ты теперь?

Летчик... Швея... Телеграфистка. Мастер текстильного комбината. Биолог. Певец. Милиционер. Водитель троллейбуса...

И всех своих бывших «козлят» Любовь Дорофеевна отлично помнит.

Алма-Ата.

«ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРАТОРА»

Фигура солдата в наполеоновской форме напротив ГУМа вызвала у москвичей большое любопытство.

Может быть, здесь снимается какой-нибудь фильм из времен нашествия Наполеона Бонапарта на Москву? Тогда почему не видно вокруг кинокамер, суетливых операторов?

Но солдат вдруг отложил в сторону ружье, снял шапку и склонил седую голову перед Мавзолеем.

Мы познакомились.

— Последний солдат императора, Норбер Брассин! — представился он с веселой улыбкой.— Под этим титулом меня знает вся Европа.

Он закинул за спину старинное ружье, из дула которого торчал букетик голубых цветов, и мы пошли с ним по площади, провожаемые любопытными взглядами сотен москвичей.

— Я действительно последний солдат императора,— с прежней лукавой улыбкой продолжил он разговор.— Символически, конечно. Во всем мире Норбер Брассин — единственный, кто носит эту форму на работу, словно полицейский свой мундир. Я хранитель музея Ватерлоо в Бельгии. Все мои предки служили этому делу. Прадед, дед, я, мой сын.

...Лет сто с лишним назад на скрещении двух дорог на поле Ватерлоо стояла старая, обветшалая таверна «Колён». Хозяин ее, уже в годах, Норбер Брассин, кроме таверны, владел еще одним богатством — у него было двенадцать детей. Однажды в «Колёне» снял себе комнату знаменитый французский писатель Виктор Гюго. Он приехал в Ватерлоо, чтобы написать свою седьмую главу второй части романа «Отверженные». Старик Брассин хорошо помнил всю картину знаменитого сражения, в котором Наполеон Бонапарт потерпел жестокое поражение. Он водил писателя к Гугомонскому лесу и к деревне Оэн, где стояли кавалерийские полки императора и располагались артиллерийские позиции двенадцатифунтовых орудий. И рассказывал то, что помнил, и то, что за сорок шесть лет после сражения успел присочинить. С холма, откуда Наполеон следил за ходом сражения, показывал, как разворачивались французские бригады Нэя и английские войска Веллингтона.

— Потомкам будет интересно знать эту историю,— заметил негромко Виктор Гюго.

Старый Брассин понял по-своему слова писателя, он организовал на поле Ватерлоо собственный музей...

— Так мы, Брассины, и стали хранителями истории. По традиции, старшего сына в роду называют именем отца. 87 лет назад моему отцу по наследству досталось имя Норбер, музей и титул «Последнего солдата императора».

Вместе с музеем нынешний Норбер Брассин также получил традиционный титул «Последнего солдата императора». Ему сейчас 63 года. Он так уже вошел в свою роль, что изготовил собственную печать, на которой в центре стоит его вензель, как некогда у Наполеона Бонапарта — Н. Б., а по кругу надпись — «Последний солдат императора».

Автографы, скрепленные уникальной печатью, музей, рестораны, памятники, хозяин в военной форме — все это привлекает иностранных туристов. В прошлом году их побывало на поле Ватерлоо свыше полумиллиона.

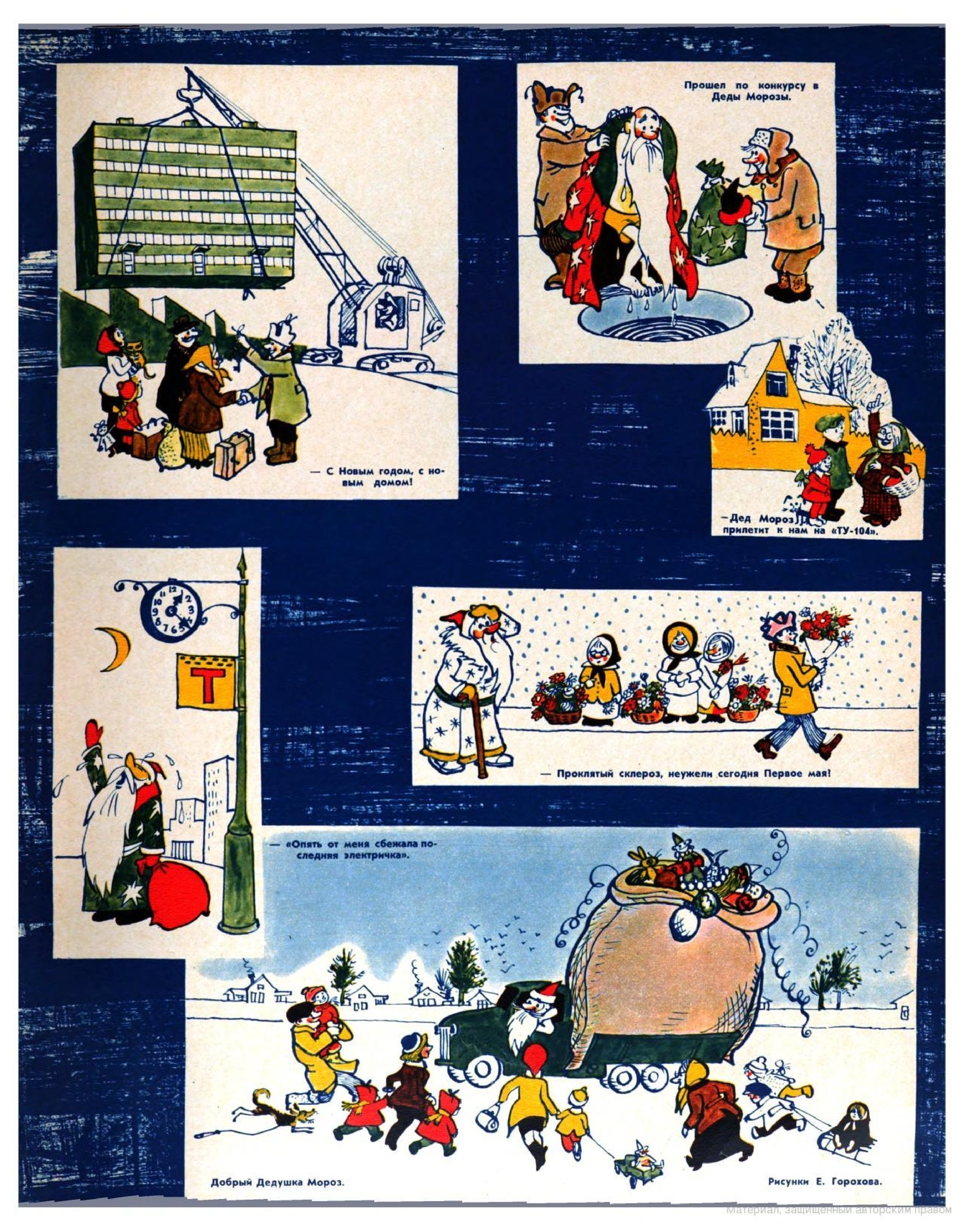
— Я сейчас был на Красной площади, у Кремля. Может быть, более ста пятидесяти лет назад на этом месте стоял Наполеон, но меня совсем не трогает этот исторический факт. Я был взволнован красотой сооружения, у стен которого покоится в Мавзолее гениальнейший в мире человек, Владимир Ленин. Как «последний солдат императора» я должен бы разделять захватнические идеи Наполеона, да я вот изменил «своему императору» и решил бороться за мир. Там, где шел французский солдат и завоевывал чужие страны, я пройду в этой форме и призову народы к миру, чтобы никогда в жизни всех поколений не было черного слова «война». Свой путь по местам, по которым прошел с мечом Наполеон, я начинаю в Москве, отсюда — в Берлин, Лейпциг, Иену, Аустерлиц (Славков), Братиславу, Вену, Любляны, Ватерлоо. В Париже я закончу свою миссию мира.

Е. ИВИН

На снимке: Норбер Брассин.

Фото автора.

— С Новым годом, с новым домом!

Прошел по конкурсу в Деды Морозы.

—Дед Мороз прилетит к нам на «ТУ-104».

— Проклятый склероз, неужели сегодня Первое мая!

— «Опять от меня сбежала последняя электричка».

Добрый Дедушка Мороз.

Рисунки Е. Горохова.

— Кому поймать такси!

— Улыбнитесь!

— Пойдем сдадим посуду и купим бутылку чистой воды.

Без слов.

...льте пригласить вас на танец.

Новый год слесаря-водопроводчика.

Рисунки Б. Боссарта, В. Воеводина, В. Каневского, Г. и В. Караваевых, В. Тильмана.

Николай СИЗОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

„Антиквары"

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

В тот день старший смотритель Исторического музея пришел на работу почти за час до открытия. Повесил в гардеробе пальто и шляпу и, не заходя в дирекцию, направился прямо в залы. Сквозь решетчатые фигурные окна с трудом пробивался свет тусклого октябрьского утра. Смотритель шел не спеша, привычным маршрутом, обходил залы — первый, второй, третий, четвертый...

На втором этаже в одном из залов он вдруг остановился. Стенд со старинным оружием, стоявший в центре, был вскрыт. Верхнее стекло вынуто из металлических пазов, и на бархатной обивке виднелись лишь следы экспонатов — чуть примятые темные контуры пистолетов. Здесь же в зале была взломана и витрина с посудой XIX века. От золотой и серебряной утвари остались только этикетки. Смотритель вбежал в соседний, двадцать восьмой зал, где находились особенно ценные экспонаты — исторические реликвии Отечественной войны 1812 года. Предположения, которые мелькнули в голове и которые он старался отогнать, оправдались. У одного из центральных стендов была оторвана металлическая пайка бокового стекла и личные вещи М. И. Кутузова украдены. Та же участь постигла и вещи генерала Платова. Здесь верхнее стекло витрины было разбито и все до одного экспонаты вынуты.

Происшедшее глубоко взволновало работников музея. Такого у них никогда не бывало. Правда, недавно произошел один странный случай. Почему-то оказалась снятой со стены старинная икона. Но она была обнаружена здесь же, в музее. Видимо, во время уборки с иконы стирали пыль и не повесили на место. И хоть случай этот был необычным, значения ему не придали. Икона ведь нашлась. А тут... Взломано несколько витрин. Похищено много ценнейших экспонатов. Не мудрено, что работники музея были потрясены случившимся.

Несколько часов подряд научные сотрудники по учетным книгам фондов скрупулезно, вещь за вещью, устанавливали перечень похищенного. Список оказался длинным.

Здесь были старинные пистолеты с литыми, восьмигранными стволами, с тончайшей гравировкой и инкрустацией, эфес шпаги Кутузова тульской работы 70—80-х годов XVIII века, миниатюрные портреты М. И. Кутузова и его жены Е. И. Кутузовой на слоновой кости, ковши, кружки, подстаканники, бокалы, табакерки, столовые приборы — золотые, серебряные, позолоченной бронзы.

— Что все-таки самое ценное из украденного?— спросил капитан милиции Иванцов, закончив читать длинный перечень.

Директор музея поднял на него удивленный взгляд:

— Не понимаю вас. Здесь все, буквально все имеет исключительную ценность. Возьмите ту же шпагу. Редчайшая художественная работа. Весь эфес осыпан стальными гранеными фасками «Диамант». Каждая бисеринка отшлифована на 12 граней. На эфесе — темляк в виде кистей того же стального бисера. Или портретная миниатюра Михаила Илларионовича. Она выполнена по слоновой кости гуашью. Овал под стеклом, в золотом ободке. Да любая из вещей ценна, какую ни возьми. Но дело не в материальной, денежной стоимости, а в исторической и художественной ценности вещей. Все они принадлежали нашим прославленным соотечественникам. Например, столовый прибор. Золоченая бронза, отделка рельефным орнаментом в стиле рококо. Но бог с ним, с рококо. Главное, что эти нож, ложка, вилка, солонка служили долгие годы Михаилу Илларионовичу Кутузову в его походах. В Алуште и Измаиле, Яссах и Бородине были с Кутузовым эти вещи. И такую же или почти такую же историю имеет чуть ли не каждая из похищенных реликвий. Украдено народное достояние, цены которому нет. Вот так, товарищ Иванцов. Вы должны, обязаны найти этих вандалов, найти во что бы то ни стало.

— То, что мы должны их найти, вы правы,— задумчиво проговорил Иванцов.— Весь вопрос в том, как это сделать.

— Это уж ваша забота, капитан, ваша. Что касается нас — готовы помогать, чем можем. Располагайте и мной и всем нашим коллективом.

Вечером того же дня капитан Иванцов докладывал майору Дедковскому подробности происшествия, план действий по розыску преступников и похищенных ценностей.

— Уверен, что похититель не один. Действовала какая-то группа. Одному человеку такое количество вещей не унести. И группа эта состоит из людей, понимающих толк в искусстве, знающих цену историческим предметам.

— Почему так думаете?

— Экспонаты выбраны не подряд, не случайно. Походный медный самовар Кутузова, например, не взяли, а вещи из дорогих металлов унесли. Дальше. Надо было знать, как войти в музей и как выйти из него, знать, что сигнализация накануне вышла из строя.

— Не могли ли позариться на ценности люди, занятые ремонтом музея?—высказал предположение Дедковский.

Иванцов, минуту подумав, ответил:

— Да, могли. Я и это имею в виду. Но опять-таки вкупе с теми, кто понимает в этом толк.

— Рассуждения не лишены логики, капитан. Но слишком общо, абстрактно.

— Директор музея, секретарь партийной организации заявили прямо, что в их коллективе таких извергов быть не может. Начальник строительного участка менее категоричен, но тоже сомневается, что среди его рабочих есть подобные типы.

— Слабенькое сообщение вы нам сделали, капитан, слабенькое. Обнадеживающих предположений мы не услышали.

— Так ведь и времени прошло всего ничего, что можно сделать за один день?

— Многое. Многое можно сделать, капитан. Пока мы гадаем здесь с вами, реликвии музея могут быть так запрятаны, что долго искать придется. А еще того хуже, вообще исчезнут. При современных средствах связи это не так трудно.

— Основные скупочные пункты, комиссионные магазины, рынки нами предупреждены. Таможенные органы тоже.

— Все это так, капитан. Но конкретного разработанного плана действий у вас пока нет.

Иванцов удивленно посмотрел на Дедковского. У майора не было привычки заставлять работника излагать несозревшие мысли, высказывать непродуманные версии. Иванцов не знал, однако, какой отзвук получило случившееся в Историческом музее у москвичей, особенно в кругах художников, писателей, ученых, в среде музейных работников. Все возмущались этим фактом. На Петровке то и дело раздавались звонки: нашли ли злоумышленников? Приняты ли все меры к тому, чтобы похищенные ценности были возвращены?

Случаи, подобные этому, в Москве да и в других городах страны были редки, и не удивительно, что так взволновалась общественность.

Капитан Иванцов уходил от Дедковского озабоченный и мрачный. Утешало лишь то, что теперь, после разноса в МУРе, все смежные службы начнут поворачиваться иначе, отодвинут на какое-то время менее срочные дела и станут работать на него, Иванцова, и его группу. Но оставалась досада, что не смог предложить реальных, убедительных версий. «Времени, конечно, прошло очень мало,— думал Иванцов,— но все же надо было нам пошевеливаться энергичнее».

Тщательно, придирчиво Иванцов и лейтенант Рябиков изучали документы работников музея и ремонтно-строительной конторы.

Рябиков, увидев гору личных дел музейных работников, ахнул от удивления:

— Ничего себе, штаты у вас солидные!

Ученый секретарь музея обиделся:

— Без знания дела судите, молодой человек. Крупнейший музей страны. Сорок семь залов в основном здании, филиалы, сотни тысяч экспонатов и документов. Более полутора миллиона посетителей в год. И это объяснимо. Как же не интересоваться историей своего Отечества?

Рябиков смущенно проговорил:

— Сдаюсь! Положили на обе лопатки. Но работенки нам предстоит...

— А вы зря, между прочим, эту работенку делать собираетесь. Среди наших людей, директор уже говорил капитану Иванцову, причастных к этому возмутительному делу не найдете.

— Тогда, может, вы скажете, где нам их искать?

— Где угодно, только не у нас.

И все-таки Иванцов и Рябиков тщательно знакомились с «личными делами» работников музея. Научные сотрудники, консультанты, смотрители залов, реставраторы, столяры, уборщицы. И все работают в музее по пять, десять, а большинство по пятнадцать — двадцать лет. Многие из них коммунисты, комсомольцы, общественники. Да, пожалуй, прав

директор, утверждая, что в их коллективе вряд ли найдется человек, который мог бы так варварски взломать витрины и стенды, посягнуть на вещи, дорогие тысячам людей.

Почти так же обстояло и со строителями. Вне подозрений люди. В Москве работают, правда, не очень давно — по три — пять лет, но работают добросовестно, освоили ведущие специальности: кто штукатур, кто маляр, кто монтажник. Ремонтно-строительный участок, осуществлявший работы в музее, считался одним из лучших.

— Товарищи из музея говорят, что некоторые ваши люди проявляли интерес к музейной экспозиции,— спросил Иванцов начальника участка.

Тот пожал плечами:

— А что тут удивительного? Люди у нас любознательные, все учатся. Факт этот, по-моему, закономерный.

— Допускаю,— согласился Иванцов.— Но как все же получилось с проводами сигнализации?

— Тут наша вина. Задели провод при передвижке лесов. Бригадира я уже наказал.

Директор музея тоже укорял себя за это:

— Мы виноваты, не углядели. Сработай сигнализация, воры не ушли бы.

Бригада плотников чувствовала себя очень смущенно, винилась и перед своим начальством и перед дирекцией музея.

— Не заметили этот провод. Извините уж...

Специалисты, вызванные Иванцовым, подтвердили: да, обрыв провода произошел из-за толчка, из-за удара, нанесенного по нему углом металлического пояса передвижных строительных лесов.

— Все так. Но почему преступники проникли в музей именно в тот день, когда была выведена из строя сигнализация? Совпадение? А может быть, нет? Что ты об этом думаешь, лейтенант?

Рябиков задумчиво ответил:

— Может, кто-то постарался именно в эту ночь вывести сигнализацию из строя. Только вот кто это?

— Вот именно: кто? Но об этом мы узнаем, когда найдем воров,— мрачновато закончил Иванцов.

Утром следующего дня он опять разговаривал с начальником стройучастка.

— Что вы скажете о Бобринце?

— Бобринец? Маляр из бригады Смурова?— Начальник участка задумался.— Парень чудаковатый, это верно. Но... А впрочем, здесь я бы, пожалуй, подумал, прежде чем дать гарантию.

— Я бы тоже подумал,— согласился Иванцов и продолжал: — Он давно у вас работает?

— Недавно. Примерно полгода.

— И как работает?

— Знаете, мастер первого класса. Это даже не маляр, а скорее художник. И не плохой, по-моему. Девчат из бригады нарисовал так, что хоть в картинную галерею.

— А что же это он маляром-то?

— Я его спрашивал об этом. Он ответил в том смысле, что все великие мастера с малярной кистью дружили.

— Ну что ж, разберемся. Имейте в виду, между прочим, что на работу он сегодня не вышел по нашей вине. Лейтенант Рябиков с ним занимается.

Иванцов и Рябиков не случайно заинтересовались Левой Бобринцом.

Вчера поздно вечером оперативной группе стало известно, что днем какой-то парень в кафе «Арфа», что в Столешниковом переулке, усиленно сбывал небольшую, овальной формы миниатюру Кутузова. Всю ночь потратили оперативные работники на то, чтобы узнать, кто этот владелец миниатюры. Разыскали официантку, которая работала в дневную смену, но она была новенькой и посетителей пока не знала. Посоветовала найти кассиршу Валентину Чугаеву — та работает в кафе давно, всех знает.

Когда оперативные работники обрисовали Валентине наружность интересующего их посетителя, та, всплеснув руками, воскликнула:

— Так это же Бобринец! Лева Бобринец. Живет где? Не знаю точно, кажется, где-то на Пироговской. А впрочем, погодите, моя знакомая бывала у него. Сейчас позвоню.

«Ну, кажется, повезло»,— подумал Иванцов, когда Чугаева, не отрываясь от трубки, стала диктовать ему адрес Бобринца.

Лева Бобринец жил в большом сером доме, в просторной квартире, занимал в ней крайнюю комнату, рядом со входом. Когда к нему вошли Иванцов и Рябиков, он лежал на черном дерматиновом диване. Лева не встал, даже не повернул головы, только чуть повел вопросительным взглядом в сторону вошедших и спросил:

— Чем могу быть полезен в такую рань?

— Вы Лев Бобринец?

— Совершенно точно.

— Мы к вам по поводу миниатюры Кутузова.

Бобринец, сделав ногами замысловатый пируэт в воздухе, медленно сел на диване, предложил:

— Садитесь. Вы,— мотнул он головой в сторону Иванцова,— вот сюда, на диван, а вы — вон на то сооружение.— И он указал Рябикову на решетчатый ящик из-под консервов, что стоял у окна. Тут же лежал вещевой мешок и самодельный мольберт. Больше в комнате ничего не было, если не считать такого же решетчатого ящика чуть меньше размером, служившего люстрой. Измызганный плащ с какой-то бурой меховой подкладкой служил Бобринцу вместо подушки.

— Так вас, говорите, интересует моя миниатюра?

— Миниатюра Михаила Илларионовича Кутузова.

— Да, да, я именно это и имел в виду. Хотя придет время, и профиль Льва Бобринца украсит не только жалкие миниатюры, а и гигантские полотна. Но об этом не будем. Ближе к делу.— Бобринец порылся в меховой подкладке плаща и достал миниатюру. Но, не отдавая ее, объявил: — Триста пятьдесят.

— Давайте-ка посмотрим,— протянул руку Иванцов.— Может, она и не стоит этой цены.

— Стоит или не стоит, но меньше не возьму. Больше тоже.

— Почему так?

— Мне нужно триста пятьдесят. И я их получу.

— Допустим. Но давайте все же посмотрим.

Иванцов с волнением взял миниатюру в руки. Пожелтевшая от времени слоновая кость. Золотой обвод вокруг овала. Да, несомненно, Михаил Илларионович. Его полный профиль, мудрый, задумчивый взгляд. Тщательно вырезанные морщинки полного лица.

— Как попала к вам эта вещь?

— А какое это имеет значение?— Бобринец уже снова возлежал на своем диване и глядел в потолок.— Могу успокоить — не ворованная.

— Допускаю. И тем не менее цену вы назвали немалую, потому хотелось бы знать.

— Расскажу, если купите. А так — ни к чему.

— Ну что ж, тогда внесем ясность. Мы из уголовного розыска. Вот документ.— Иванцов предъявил удостоверение. Но Бобринец не стал смотреть документы, а сделал опять сложный пируэт ногами, сел.

— Эта штука принадлежала моему тестю. Где он ее взял — не знаю. Им лично подарена мне на память. За день до того, как он оставил земную юдоль.

— Значит, вы здесь живете с семьей?

— Никакой семьи у меня нет. Все это в прошлом. Я сам по себе — они сами по себе.

— Вам придется поехать с нами.

— Это очень необходимо?

— Очень.

— Ну что ж. Власть есть власть,— зевнул Бобринец и с ходу нырнул ногами в стоптанные кеды.— Но мне, между прочим, к восьми надо быть на работе.

— Удостоверим, что опоздали по уважительной причине.

К вечеру Рябиков с недоумением рассказывал Иванцову:

— Удивительный тип, уникум этот Бобринец. Разузнал я о нем все, что можно. Ленинградец. Женился на москвичке. Работал в Художественном фонде, в разных кустарных артелях. Поработает три-четыре месяца и пропадает. Приезжает в Москву обросший, грязный, как снежный человек, если такой, конечно, существует. Жена с ним жить не захотела. Разошлись. По-моему, он с серьезными отклонениями от нормы. По поводу миниатюры твердит то же, что и вчера. Подарок тестя. Намерен получить за нее триста пятьдесят рублей и ни копейки меньше. Объяснил, почему. Ему, видите ли, надо четыреста пятьдесят рублей. Сто рублей он заработал в бригаде и в эту получку их будет иметь. После чего отбывает в Молдавию. Соскучился, видите ли, по лесным запахам, порывам ветра, шуршанию травы... Конечно, все это, видимо, просто фанаберия, туман. Мы ведь знаем, как некоторые узоры плетут.

Видя, что Иванцов слушает его рассеянно, Рябиков обеспокоенно спросил:

— А у вас как? Санкцию на задержание этого любителя природы дали?

Иванцов молча подвинул ему лист бумаги с мелко напечатанным на нем текстом. Это было заключение экспертов. Миниатюра Кутузова, изъятая у Бобринца, музею не принадлежит. Да — слоновая кость, да — профиль Михаила Илларионовича. И мастер, что делал, видимо, не из рядовых. Но вещь не из тех, что лично принадлежали полководцу.

— Не может быть!— Пораженный Рябиков присел на стул.— А мы-то думали...

— Думали мы с тобой плоховато. Ведь в описи точно указаны все мельчайшие особенности пропавших вещей. Ну, хотя бы эта. На похищенной миниатюре между золотым ободком и портретом нанесены слова: «Тот жив, бессмертен тот, Отечество кто спас». На этой же никакой надписи нет. А мы с тобой не умудрились посмотреть как следует. Можно было и не беспокоить человека.

— Ну, скажете тоже. Похожи ведь вещицы-то как две капли воды. И потом, где там, в его конуре, да в такую рань заметить, есть надпись на миниатюре или нет. Ее и днем-то в лупу смотреть надо.

— Все это так, но факт остается фактом — миниатюра не та, и объект нашего внимания, следовательно, тоже не тот.

— Что же теперь?

— Как что? Пожелай ему успехов в его вояже по Молдавии и давай думать, с чем сегодня вечером пойдем к Дедковскому.

— Может, нам дело с «Соборниками» поворошить более обстоятельно?

— Да, я тоже думал об этом. Пожалуй, мы рановато охладели к нему. Давайте-ка посмотрим все материалы.

Дело «Соборников» было весьма значительным.

Несколько дельцов организовались в крепко сколоченную группу. Здесь были работники реставрационно-художественных мастерских, одного рекламно-издательского предприятия, двух типографий, крупного комиссионного магазина. Свой «хлеб насущный» они зарабатывали похищением икон из церквей и соборов и сбытом их любителям русской старины.

Из церкви в Брюсовском переулке ими были похищены «Спаситель», «Иоанн Креститель», «Рождество богородицы» и «Тайная вечеря». В Покровском соборе украден «Георгий Победоносец». Несколько ценных икон были взяты в старообрядческом храме Рогожского поселка, из церкви на Преображенском валу, в историко-краеведческом музее в Городце и Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде и в некоторых других соборах и церквах.

Участники, проходившие по этому делу, были изобличены и осуждены. Казалось, зачем к нему возвращаться? Но возвращаться следовало. Стало известно, что по разным причинам далеко не все «любители церковных реликвий» были разоблачены и оставшиеся на свободе пытались продолжать свою деятельность.

Электромонтер Исторического музея Кирилл Буняков в период краж из церквей работал в старообрядческом храме в Рогожском поселке. Там тоже было похищено несколько икон. Но причастность его к делу не установили, и он выступал на суде лишь в качестве свидетеля.

В Историческом музее Буняков слыл аккуратным, добросовестным работником. За три года не имел каких-либо замечаний. Правда, ходил по музею слушок, что очень уж обеспеченно живет электромонтер. Приболел он как-то, и ездил к нему представитель месткома. Хорошо обставленная квартира, много дорогих икон с лампадами. Набожным человеком оказался Кирилл Буняков. Но в конце концов это было его личное дело. Достаток в

семье вроде бы тоже объяснялся просто: подвизался Буняков в выборной десятке одной из известных московских церквей. Общественным служителям всевышнего тоже, видимо, перепадало от мирских подаяний.

Несколько вечеров и ночей подряд Иванцов и Рябиков изучали дело «Соборников», и все-таки ничего, что бы наводило на участие в нем Бунякова, не было. К хищению реликвий из музея, судя по всему, отношения тоже не имел. В день кражи с дежурства ушел по болезни. Бюллетень представил.

Вел он себя спокойно, на вопросы Иванцова и Рябикова отвечал обстоятельно, объяснял все, что требовали объяснить. И все-таки оперативным работникам не верилось, что совсем чист электромонтер Буняков. Особенно в связи с одной мелкой, незначительной деталью. После одной из бесед с капитаном Иванцовым Буняков, выходя из комнаты, осенил себя крестным знамением. Рябиков, шедший в это время по коридору, пошутил:

— За что бога благодарите, Буняков?

Буняков явно растерялся, но быстро взял себя в руки и спокойно ответил:

— За то, что жив, по земле хожу.

— Ну, давай, давай, общайся с всевышним.

Когда Рябиков рассказал об этом Иванцову, тот, бросив в сердцах карандаш, проговорил:

— Чувствую, что рыльце у него в пушку, а зацепок никаких.

— И я это тоже чувствую, только чтó проку от наших ощущений. Шубы из них не сошьешь.

— Ничего, терпение, лейтенант Рябиков, терпение. Все тайное когда-нибудь становится явным.

Разгадку, кто же такой электромонтер Буняков, нашли. Но нашли не скоро.

. . . .

В один из сумрачных осенних дней по старому Арбату не спеша шел пожилой, седой человек — Илья Александрович Пучков. Недалеко от комиссионного магазина он повстречался со старым приятелем — Петром Степановичем Лапоногом. Оба они были известными в Москве знатоками и любителями старины, непременными участниками всяких общественных начинаний по этой части. Все свои скромные сбережения и даже часть пенсии они тратили на коллекционирование редких и диковинных вещей. Но строгими людьми слыли старики. Не возьмут вещь ни за деньги, ни задаром, если почувствуют, что идет она к ним не из чистых рук.

Лапоног, как только приятели остановились и поздоровались, предложил:

— Илья, есть чудесная вещица. Кубок XVI века.

— А что же сам?

— Недавно две картины купил. Поиздержался. А потом утварь-то ведь больше по твоей части.

— Ну, а владельцы как? Надежные?

— Да вроде бы. Мне их Кирилл Фомич прислал.

— Буняков?

— Да, он.

— Странно. Он же сам такое не упустит.

— Редкие иконы ждет. Не хочет тратиться.

Пучков не мог остаться равнодушным к столь редкой, заманчивой вещице, как кубок XVI века, и пожелал встретиться с его обладателем.

Он явился в тот же вечер.

Илья Александрович не зря всю жизнь провел в музеях, на выставках, заседал в закупочных и других комиссиях по оценке художественных предметов. Он бережно взял в руки голубоватый, с золотистыми разводами кубок, любовно осмотрел каждую деталь тончайшей художественной росписи, сдул пылинки. И тихо, аккуратно поставил на стол. Потом взял лупу и медленно осмотрел вещь еще более внимательным и цепким взглядом. Обеспокоила старого знатока крышка. Сам кубок был XVI века, а крышка... Крышка по орнаменту, по замысловатому рисунку явно принадлежала к XVIII веку.

В прошлом году Илья Александрович, работая над книгой о старинной русской керамике, целый месяц провел в Эрмитаже и слышал, как сокрушались работники одного из отделов по поводу того, что какой-то прощелыга «увел» две удивительные уникальные вазы, имеющие историческую ценность, и старинный кубок. Илья Александрович точно помнил, что речь тогда шла о кубке XVIII века. Кубок же, что стоял на столе, был не тот. Это ясно. Но вот крышка...

Пучков решил отказаться от покупки.

— Дороговато, молодой человек, не по карману. Извините.

— Но неужели это дорого?.. Сто пятьдесят рублей?

— Да, для меня дорого.

— Но, понимаете, мне очень нужны деньги, очень.

— Понимаю, вполне понимаю. Но не могу.

Парень задумался, затем встал и, укладывая кубок в саквояж, проговорил:

— Вы все-таки подумайте. А утром мы с приятелем заглянем еще раз. Кое-что вам покажем.

Посетитель ушел. А Илья Александрович, встревоженный, позвонил в Ленинград своему приятелю, одному из работников Эрмитажа, и рассказал о только что закончившемся визите.

— Неделю назад у нас пропало несколько вещей с немецкой выставки утвари XVI века. И в том числе, кажется, и кубок. Но точно не помню, надо проверить.

— У вас ведь и раньше, как мне помнится, с утварью что-то было?

— Да, да.

— Так вот, думаю, что посетитель, который у меня был, один из ваших клиентов. Принимайте меры.

— Это интересно! Похититель у вас в городе, а мы — принимайте меры? Вы должны задержать этого гастролера.

— И как же конкретно я, по-вашему, должен поступить?

— Ну, я не знаю, как. Сообщите, куда и кому следует.

— Нет, знаете, увольте. Я совершенно не знаю, как это делается.

— Ну что ж, тогда пусть уплывают музейные вещи в грязные руки спекулянтов и перекупщиков. Нам, знаете ли, тогда и говорить не о чем.

Приятели одновременно положили телефонные трубки. Но сотрудник Эрмитажа оказался, видимо, более решительным человеком. Он поднял в Ленинграде всех, кого надо, и утром Московский уголовный розыск получил сообщение: в Москве продается экспонат из Эрмитажа, просим немедленно связаться с гражданином Пучковым, живет там-то.

В это же утро к Пучкову вновь явился парень, что был вчера. Его сопровождал такой же рослый молодой человек в широкой кожаной куртке. Им, видимо, действительно очень нужны были деньги. Поставив кубок на стол, его обладатель сообщил: «Сто...»

Но у Ильи Александровича желание приобрести эту редкостную вещь уже окончательно пропало.

— Знаете, ребята, кубок я у вас покупать не буду. Если он действительно ваш, снесите в комиссионный магазин, это в пяти минутах

ходьбы отсюда. Если... чужой, то мой совет: верните туда, где взяли. Так будет лучше.

— Вы что же, пугаете нас, подозреваете в чем-то?— поднял черные лохматые брови обладатель кубка.

— Да нет, что вы. Просто советую.

— Ну, а по другим вещицам разговор будет такой же?— настороженно спросил второй парень.

— А о чем, собственно, речь?

Парень вытащил из внутренних карманов куртки завернутые в серые тряпицы три небольшие фарфоровые статуэтки. Илья Александрович, далеко отставив от глаз, долго и внимательно смотрел на них и со вздохом изрек:

— Вещи чудесные. Старинные изделия русских мастеров. Больших денег стоят.

— Во сколько их оцените?— спросили оба посетителя почти разом.

— Это дорогие вещи, ребята.

— Уступим, берите.

— Нет, нет, это не для меня. Советую обратиться туда же.

Посетители переглянулись:

— Вы что это, серьезно? И окончательно?

— Да, вы уж извините.

— Бывай здоров, старик. Нам рекомендовали вас как знатока и коллекционера, а ты, оказывается, просто старый дрожащий заяц.— Парень в кожаной куртке ухмыльнулся было своему удачному, как ему показалось, каламбуру, но его спутник мрачно упрекнул:

— Пошли быстрей. Чему ухмыляешься?

Они вышли, не оглядываясь. А через полчаса к Илье Александровичу явился лейтенант Рябиков.

— Чем могу служить? — удивленно спросил Илья Александрович.

— Извините, Илья Александрович. Нам сообщили из Ленинграда, что вчера вам предлагали кое-какие музейные вещицы. В частности, пропавшие из Эрмитажа.

— Точно я этого сказать не могу, но сомнение у меня возникло, и я сообщил об этом ленинградским коллегам.

— Расскажите подробнее, что за люди были? Что у них за вещи? Понимаете, Илья Александрович, это очень важно.

— Что за люди? С одним я виделся дважды, вчера и сегодня, со вторым только сегодня и то накоротке, подробной характеристики дать не могу.

— Что, они и сегодня были здесь?

— Недавно ушли.

— Эх, какая досада! Так кто же это? Жулье?

— Да нет, на жуликов не похожи. Предлагали довольно редкий кубок тончайшей работы. Говорят, что из семейных реликвий. Я, конечно, не утверждаю наверное, но думаю, что вещица не из семейного наследия. Еще предлагали три фарфоровые статуэтки. Тоже прекрасные изделия. И думаю, тоже не их родовые.

— Когда они обещали быть вновь?

— У меня они больше не будут.

— Что так?

— Я отказался купить эти вещи.

— Да? Жаль, очень жаль. Ну что же, спасибо, Илья Александрович. Будем искать этих любителей старины.

Рябиков в кабинете Дедковского еле сдерживал волнение.

— Товарищ майор, объявились какие-то любители реликвий. Может, это именно те, кого мы ищем?

— Да? И где же они?— оторвавшись от бумаг, поднял голову Дедковский. Рябиков торопливо рассказал о посещении Пучкова.

Дедковский присвистнул:

— Если бы вы их с собой привезли, я бы понял ваш восторг. Но вы же их проморгали. Где теперь будете искать?

— Я был у Пучкова через час после получения сообщения из Ленинграда. За полчаса до меня они ушли. Жаль, конечно, что так получилось, но мы найдем их, найдем. Далеко уйти они не могли. А обрисовать их я уже смогу. Так что прошу ваших указаний всем службам о розыске.

— Ну что ж. Давайте выясним, что за новоявленные эстеты к нам пожаловали.— И майор наклонился к селектору.

Продолжение следует.

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1969 ГОД

Г. Абашидзе

Ф. Алиева

М. Алпатов

Б. Гафуров

В. Герасимова

Н. Грибачев

Жале

Г. Коржев

Ю. Кривоносов

Н. Кружков

Г. Кулиновская

И. Месхи

П. Неруда

В. Петелин

П. Пинкисевич

А. Стась

Ян Судрабкалн

Е. Сурков

М. Сынгаевский

В. Фирсов

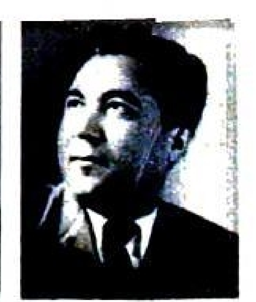

То Хоай

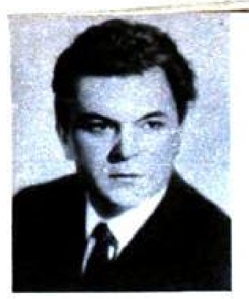

М. Хонинов

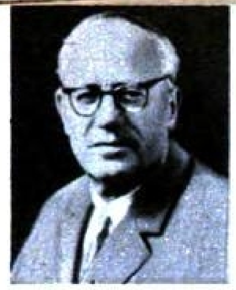

М. Хромченко

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1969 года.

Г. Абашидзе. Рассказ «Осенью, когда созрел виноград» (№ 34); Ф. Алиева. Статья «Богатство наше — друзья наши» (№ 49); М. Алпатов. Статья «Анри Матисс» (№ 26); Р. Бабаджан. Поэма «Живая вода» (№ 50); С. Бондарчук. Статья «Искусству — ленинскую глубину» (№ 32); П. Бровка. Цикл стихов «Лирики тепло живое» (№ 28); С. Воронин. Рассказ «Рани-эмигранты» (№ 41); Б. Гафуров. Статья «Два лица господина Монтея» (№ 34); В. Герасимова. Повесть «Земное притяжение» (№ 31—37); Н. Грибачев. Рассказ «Тетя Поля с утра до вечера» (№ 37); Жале. Цикл стихов «Любви золотой соловей» (№ 49); В. Закруткин. Повесть «Матерь человеческая» (№ 38—42); А. Иванов. Рассказ «Гость» (№ 14); М. Исаковский. Цикл стихов «На заре туманной юности» (№ 1); Г. Копосов. Фото из Вьетнама в № 21; Г. Коржев. Статья «Высокий строй чувств» (№ 28); Ю. Кривоносов. Фоторепортажи в №№ 11, 27, 44; Н. Кружков. Статья «Лепота» (№ 48); Г. Кулиновская. Очерк «Однолюб» (№ 51); И. Кычаков. Повесть «Невский лед» (№№ 16—22); Вл. Лидин.

Р. Бабаджан

С. Бондарчук

П. Бровка

С. Воронин

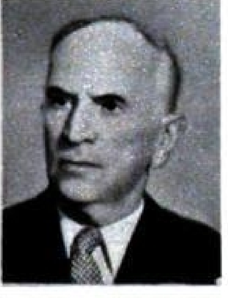

В. Закруткин

А. Иванов

М. Исаковский

Г. Копосов

И. Кычаков

Вл. Лидин

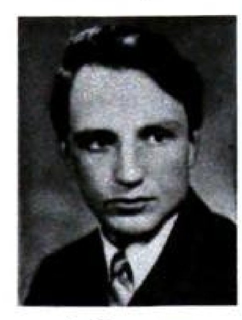

М. Лобанов

Г. Макаров

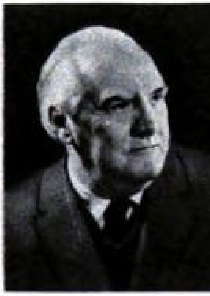

В. Пономарев

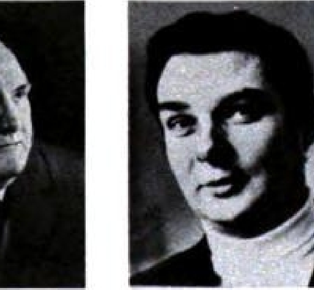

Расул Рза

Н. Сизов

В. Сорокин

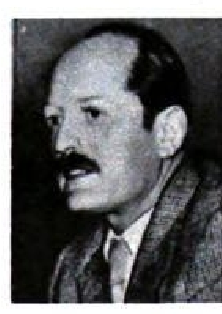

З. Телесин

Н. Тихонов

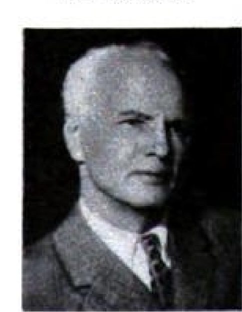

С. Токарев

И. Тункель

В. Чивилихин

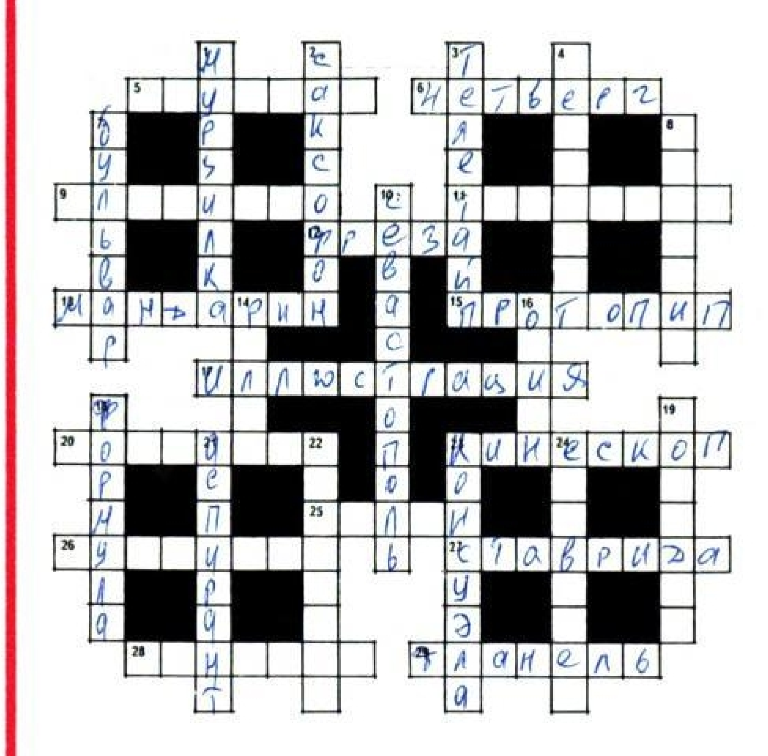

Э. Штриттматтер

Б. Щербаков

С. Щипачев

Рассказ «В широком этом царстве» (№ 36); М. Лобанов. Статья «Лучшая слава русского народа» (№ 52); Г. Макаров. Фото из Вьетнама в № 21; И. Месхи. Репортаж «О простом и сильном чувстве» (№ 49); П. Неруда. Цикл стихов «Все еще...» (№ 45); В. Петелин. Статья «М. А. Булгаков и «Дни Турбиных» (№ 11); П. Пинкисевич. Иллюстрации к повестям «Невский лед» и «Цыган»; В. Пономарев. Очерк «От сердца к сердцу» (№ 24); Расул Рза. Поэма «Говорит карта» (№ 2); Н. Сизов. Повесть «У последней черты» (№№ 28—30); В. Сорокин. Цикл стихов «По журавлиному лету» (№ 39); А. Стась. Репортаж «О простом и сильном чувстве» (№ 49); Ян Судрабкалн. Стихи «Муза» (№ 21); Е. Сурков. Статья «А. Тартюф?..» (№ 13); М. Сынгаевский. Поэма «Улыбка Ленина» (№ 22); З. Телесин. «Стихи разных лет» (№ 48); Н. Тихонов. «Новые стихи» (№ 45); С. Токарев. Очерк «Бремя чемпиона» (№ 32); И. Тункель. Фоторепортажи в №№ 43 и 47; В. Фирсов. Поэма «Восставший над громом» (№ 35); То Хоай (Вьетнам). Рассказ «Время ловли птиц» (№ 21); М. Хонинов. Цикл стихов «Под пенье домбры» (№ 41); М. Хромченко. Статья «Барокамеры Василия Кравченко» (№ 11); В. Чивилихин. Статья «Уроки Леонова» (№ 3); Э. Штриттматтер. Рассказ «Электрический ток» (№ 5); Б. Щербаков. Статья «Великий портретист» (№ 11); С. Щипачев. Поэма «Осенний день» (№ 47).

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Приток Волги. 6. День недели. 9. Птица. 11. Английский писатель. 12. Режущий инструмент. 13. Цитрусовое дерево. 15. Первообраз. 17. Рисунок в тексте. 20. Травянистое растение, медонос. 23. Телевизионная трубка. 25. Порт во Франции. 26. Рассказ И. С. Тургенева. 27. Промысловая рыба. 28. Громкоговоритель. 29. Ткань с легким начесом.

По вертикали: 1. Детский журнал. 2. Духовой музыкальный инструмент. 3. Телеграфный аппарат. 4. Древнегреческий философ. 7. Аллея на городской улице. 8. Химический элемент. 10. Город-герой. 14. Кондитерское изделие. 16. Экваториальное созвездие. 18. Комбинация математических знаков, выражающая какое-либо предложение. 19. Неглубокий овраг. 21. Человек, готовящийся к научной деятельности. 22. Ископаемый уголь. 23. Роман Жорж Санд. 24. Озеро в Швеции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 5. «Школьник». 7. Гвоздика. 8. Санаторий. 9. Ньяса. 11. Аргон. 13. Просо. 15. Печь. 16. Выпь. 17. Галс. 18. Упит. 20. Ампер. 24. Бекар. 26. Садок. 27. «Пересолил». 28. Камчатка. 29. Аренский.

По вертикали: 1. Болонья. 2. Ангара. 3. Логика, 4. Филатов. 6. Кратер. 7. Глобус. 10. Сметана. 12. Реплика. 13. Пьеса. 14. Овлур. 19. Септима. 21. Морена. 22. Европа. 23. Косатка. 25. Реестр. 26. Свитер.

На первой странице обложки:

«ЕЛКА В СОКОЛЬНИКАХ».

Композиция народного художника СССР Н. Жукова.

Цветная копия С. Лоча.

— Я отказался купить эти вещи.

— Да? Жаль, очень жаль. Ну что же, спасибо, Илья Александрович. Будем искать этих любителей старины.

Рябиков в кабинете Дедковского еле сдерживал волнение.

— Товарищ майор, объявились какие-то любители реликвий. Может, это именно те, кого мы ищем?

— Да? И где же они?— оторвавшись от бумаг, поднял голову Дедковский. Рябиков торопливо рассказал о посещении Пучкова.

Дедковский присвистнул:

— Если бы вы их с собой привезли, я бы понял ваш восторг. Но вы же их проморгали. Где теперь будете искать?

— Я был у Пучкова через час после получения сообщения из Ленинграда. За полчаса до меня они ушли. Жаль, конечно, что так получилось, но мы найдем их, найдем. Далеко уйти они не могли. А обрисовать их я уже смогу. Так что прошу ваших указаний всем службам о розыске.

— Ну что ж. Давайте выясним, что за новоявленные эстеты к нам пожаловали.— И майор наклонился к селектору.

Продолжение следует.

Е. Сурков

М. Сынгаевский

В. Фирсов

То Хоай

М. Хонинов

М. Хромченко

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1969 года.

Г. Абашидзе. Рассказ «Осенью, когда созрел виноград» (№ 34); Ф. Алиева. Статья «Богатство наше — друзья наши» (№ 49); М. Алпатов. Статья «Анри Матисс» (№ 26); Р. Бабаджан. Поэма «Живая вода» (№ 50); С. Бондарчук. Статья «Искусству — ленинскую глубину» (№ 32); П. Бровка. Цикл стихов «Лирики тепло живое» (№ 28); С. Воронин. Рассказ «Рани-эмигранты» (№ 41); Б. Гафуров. Статья «Два лица господина Монтея» (№ 34); В. Герасимова. Повесть «Земное притяжение» (№ 31—37); Н. Грибачев. Рассказ «Тетя Поля с утра до вечера» (№ 37); Жале. Цикл стихов «Любви золотой соловей» (№ 49); В. Закруткин. Повесть «Матерь человеческая» (№ 38—42); А. Иванов. Рассказ «Гость» (№ 14); М. Исаковский. Цикл стихов «На заре туманной юности» (№ 1); Г. Копосов. Фото из Вьетнама в № 21; Г. Коржев. Статья «Высокий строй чувств» (№ 28); Ю. Кривоносов. Фоторепортажи в №№ 11, 27, 44; Н. Кружков. Статья «Лепота» (№ 48); Г. Куликовская. Очерк «Однолюб» (№ 51); Н. Кычаков. Повесть «Невский лед» (№№ 16—22); Вл. Лидин.

Э. Телесин

Н. Тихонов

Е. Чивилихин

Э. Штриттматтер

Рассказ «В широком этом царстве» ... русского народа» (№ 52); Г. Макаров. ... том «О простом и сильном чувстве» ... (№ 45); В. Петелин. Статья «М. А. Бул... севич. Иллюстрации к повестям «Нев... «От сердца к сердцу» (№ 24); Расул Р... Повесть «У последней черты» (№№ 28... линому лету» (№ 39); А. Стась. Репорт... Ян Судрабкалн. Стихи «Муза» (№ 21)... М. Сынгаевский. Поэма «Улыбка Ленин... (№ 40); Н. Тихонов. «Новые стихи» (№ ... (№ 32); Н. Туниель. Фоторепортажи в ... над громом» (№ 35); То Хоай (Вьетн... М. Хонинов. Цикл стихов «Под пенье ... рокамеры Василия Кравченко» (№ 11... (№ 3); Э. Штриттматтер. Рассказ «Элег... «Великий портретист» (№ 11); С. Щипа...

…мченко

премиями
1969 года.

. Алиева.
Анри Ма-
. Статья
ики тепло
. Статья
притяже-
7); Жале.
атерь че-
ий. Цикл
в № 21;
епортажи
. Очерк
. Лидин.

Н. Туннель

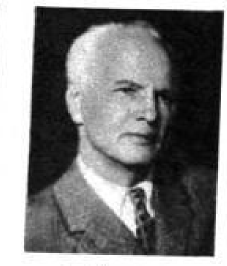
В. Чивилихин

Э. Штриттматтер

Б. Щербаков

С. Щипачев

Рассказ «В широком этом царстве» (№ 36); М. Лобанов. Статья «Лучшая слава
русского народа» (№ 52); Г. Макаров. Фото из Вьетнама в № 21; Н. Месхи. Репор-
таж «О простом и сильном чувстве» (№ 49); П. Неруда. Цикл стихов «Все еще...»
(№ 45); В. Петелин. Статья «М. А. Булгаков и «Дни Турбиных» (№ 11); П. Пинки-
севич. Иллюстрации к повестям «Невский лед» и «Цыган»; В. Пономарев. Очерк
«От сердца к сердцу» (№ 24); Расул Рза. Поэма «Говорит карта» (№ 2); Н. Сизов.
Повесть «У последней черты» (№№ 28—30); В. Сорокин. Цикл стихов «По журав-
линому лету» (№ 39); А. Стась. Репортаж «О простом и сильном чувстве» (№ 49);
Ян Судрабкалн. Стихи «Муза» (№ 21); Е. Сурков. Статья «А. Тартюф?..» (№ 13);
М. Сынгаевский. Поэма «Улыбка Ленина» (№ 22); З. Телесин. «Стихи разных лет»
(№ 48); Н. Тихонов. «Новые стихи» (№ 45); С. Токарев. Очерк «Бремя чемпиона»
(№ 32); Н. Туннель. Фоторепортажи в №№ 43 и 47; В. Фирсов. Поэма «Восставший
над громом» (№ 35); То Хоай (Вьетнам). Рассказ «Время ловли птиц» (№ 21);
М. Хонинов. Цикл стихов «Под пенье домбры» (№ 41); М. Хромченко. Статья «Ба-
рокамеры Василия Кравченко» (№ 11); В. Чивилихин. Статья «Уроки Леонова»
(№ 3); Э. Штриттматтер. Рассказ «Электрический ток» (№ 5); Б. Щербаков. Статья
«Великий портретист» (№ 11); С. Щипачев. Поэма «Осенний день» (№ 47).

…«Школьник». 7. Гвоздика. 8. Санато-
рий. 9. Ньяса. 11. Аргон. 13. Просо. 15. Печь. 16. Выпь.
17. Галс. 18. Упит. 20. Ампер. 24. Бекар. 26. Садок. 27. «Пе-
ресолил». 28. Камчатка. 29. Аренский.

По вертикали: 1. Болонья. 2. Ангара. 3. Логика. 4. Фила-
тов. 6. Кратер. 7. Глобус. 10. Сметана. 12. Реплика. 13. Пьеса.
14. Овлур. 19. Септима. 21. Морена. 22. Европа. 23. Косатка.
25. Реестр. 26. Свитер.

На первой странице обложки:

«ЕЛКА В СОКОЛЬНИКАХ».

Композиция народного художника СССР Н. Жу-
кова.

Цветная копия С. Лоча.

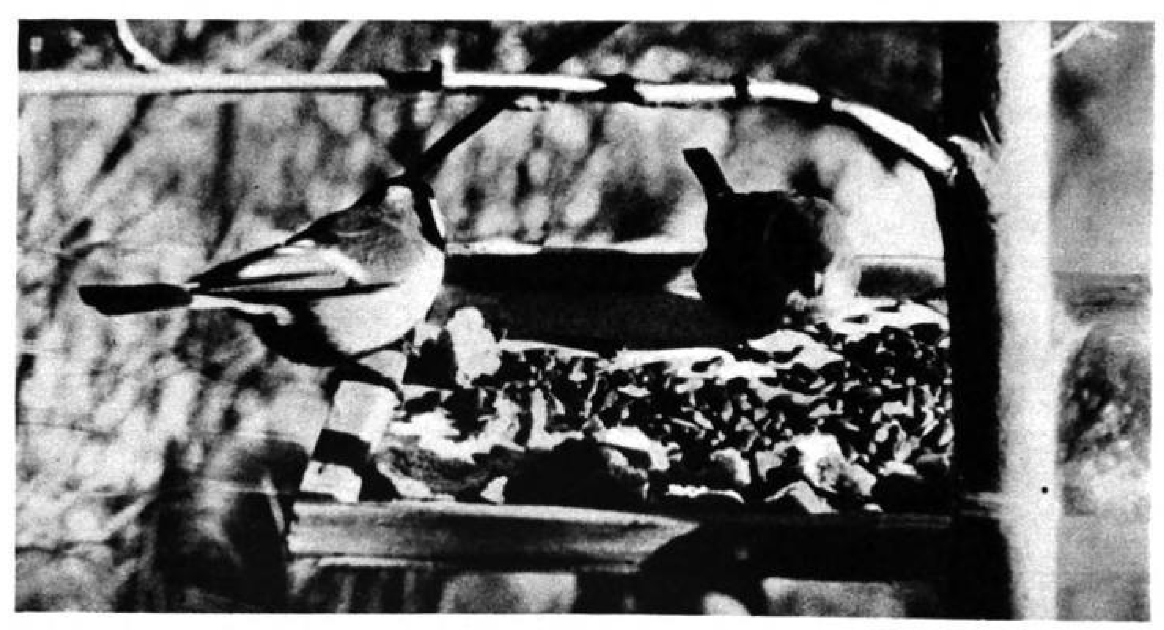
Безветренный вечер.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

ПО СВЕЖ

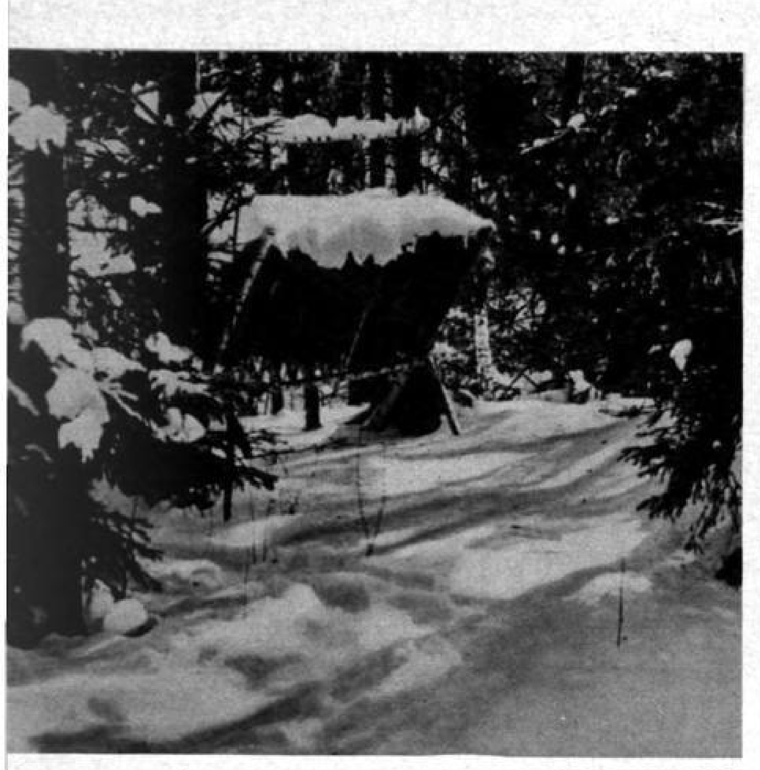

Добрые люди устроили для синичек столовую.

Белое на белом не сразу увидишь.

Ловись, рыбка...

ЕМУ СНЕГУ

Лоси знают, что в лесу для них заготовлены кормушки на случай трудной зимы.

Следов много, ягдташ пустой...

Накатались.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32--45.

А 00470. Сдано в набор 16/XII-69 г. Подп. к печ. 26/XII-69 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 24 Заказ № 3242.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Предлагаем читателям изочайнворд, придуманный и нарисованный художником Ю. Черепановым.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

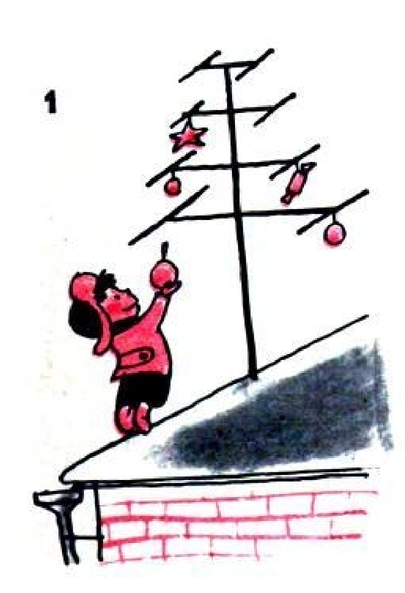
ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД «ХОККЕЙ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

1. Сирена. 2. Атака. 3. Аут. 4. Тренер. 5. Рывок. 6. Контролер. 7. Реванш. 8. Шлем. 9. Массажист. 10. Теоретик.

Первыми правильные ответы прислали:

В. Ф. Лысенко, семья Зайцевых, В. А. Буричев, А. Н. Рябенков, В. Н. Кашевитский, В. Д. Паршуков, Л. Г. Шахтарина, Я. С. Идельсон, А. П. Куликов, В. М. Титов, М. Ф. Снитко, Н. и Н. Рабалко, В. И. Коржов, Н. В. Федоров, И. А. Муратов, Н. М. Иванов, И. Н. и Т. Н. Гуцул, В. Г. Лебеденко, Т. Д. Перминов, А. В. Лядов.

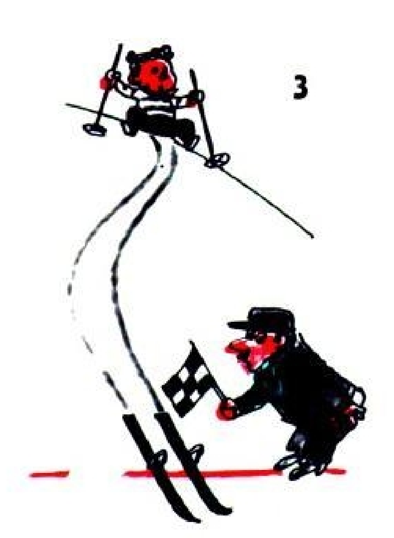
1

2

3

4

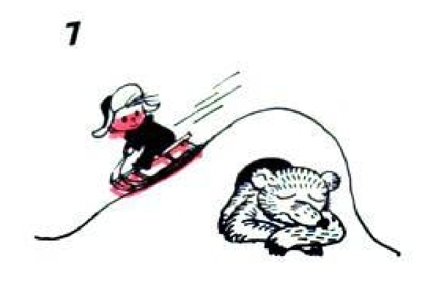
5

6

7

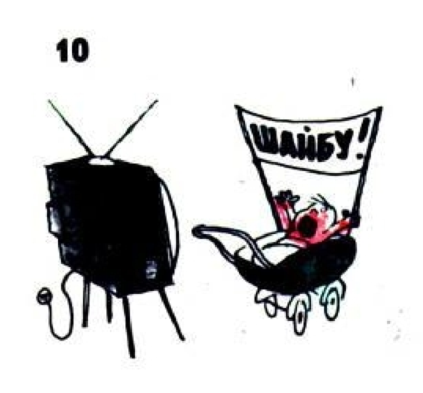
8

9

10

— По коням!

— Я так и знал, что Дед Мороз не придет без подарков.

— Елочка, елочка, как ты хороша...

— Видишь, это совсем не страшно.

— Желаю тебе мягкой посадки.

Рисунки Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.